

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Скабаланович

Разделение церквей при патриархе
Михаиле Керуллари

Опубликовано:
Христианское чтение. 1884. № 11-12. С. 626-656.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.

Раздѣленіе церквей можетъ и должно быть разсматриваемо, какъ неизбѣжное послѣдствіе цѣлой совокупности обстоятельствъ, слагавшихся вѣками. Оно было подготовлено на тройственной почвѣ: народной, государственной и церковной. Этнографическое различіе между востокомъ и западомъ Европы, различіе народностей, давшихъ главный контингентъ, своимъ языкомъ, нравами и особенностями генія сообщившихъ неодинаковый колоритъ двумъ половинамъ Европы, имѣетъ значеніе первичнаго момента въ данномъ вопросѣ. Этнографическое начало легло въ основу государственнаго и различіе національнаго типа послужило основаніемъ для обособленія политическаго и культурнаго. Принципъ политическаго единства, носителямъ котораго былъ императорскій Римъ, оказался несостоятельнымъ и безсильнымъ, чтобы примирить противоположности, а привнесеніе германскаго и славянскаго элементовъ должно было еще ихъ усилить. Различіе между востокомъ и западомъ въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ отразилось на складѣ ума и обычаяхъ, при чемъ, коснувшись всѣхъ сферъ быта и жизни, не миновало и сферы религіозной, религіозное созерцаніе получило на востокѣ болѣе спекулятивный характеръ, на западѣ болѣе практической, выработались постепенно нѣкоторыя разности въ догматическихкихъ возрѣвнїяхъ, въ церковныхъ обрядахъ и дисциплинѣ, обнаружилось соперничество въ строѣ церковнаго управленія.

Въ разностяхъ между церквами, послужившихъ какъ бы легальнымъ основаніемъ ихъ раздѣленія, церковь греческая стояла

ближе къ ученію и практикѣ древней вселенской церкви, чѣмъ церковь римская. Это обстоятельство, въ связи съ болѣе высокимъ уровнемъ богословскаго образованія на востокѣ, было причиною, что въ случаяхъ когда дѣло доходило до формальныхъ заявленій по поводу разностей, обвинительницей выступала церковь греческая, а римская—отвѣтчицей, первая нападала, а послѣдняя оборонялась. До времени патріарха Михаила Керуларія рѣчь не разъ поднималась о разностяхъ. Дважды онѣ были болѣе или менѣе сгруппированы: первый разъ на трульскомъ соборѣ 691—692 г., второй по поводу спора возникшаго при патріархѣ Фотіѣ въ IX в. Были и еще случаи, когда по тому или иному поводу выступала наружу и была указываема одна какая-нибудь разность взятая отдѣльно. Разности касались трехъ областей богословской мысли и церковной жизни, одѣ—догматовъ (ученіе о св. Духѣ), другія—обрядовъ и дисциплины (о постѣ въ субботу и св. четвердевятницу, о таинствѣ миропомазанія, о безбрачствѣ священниковъ, о постановленіи діаконовъ прямо въ епископы, о бритьѣ бороды и стриженіи волосъ, объ агнцѣ, объ употребленіи въ пищу крови и удавленныи, о четвертомъ бракѣ), третья—церковнаго управленія и устройства. Пререканія по этому послѣднему пункту сводились къ соперничеству каедръ римской и константинопольской за власть, вызванному успѣхами, какіе сдѣлала константинопольская каедра и которые состояли въ томъ, а) что она приравнена на почтѣ каноновъ и государственнаго права къ римской каедрѣ, б) что патріарху константинопольскому усвоенъ титулъ „вселенскаго“ и в) что подъ его юрисдикцію отчислены діоцезы принадлежавшіе прежде римской каедрѣ (патримоніи въ Сициліи и Калабріи, епархіи въ этихъ областяхъ и въ Апуліи, а также въ Иллирикѣ, Эпирѣ, Ахаіи и Македоніи).

Во время церковнаго столкновенія при патріархѣ Фотіѣ представлялись побужденія къ обстоятельному выясненію церковныхъ разностей, вѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась данная для сужденія о сравнительномъ значеніи этихъ разностей. Съ теоретической точки

зрѣнія, которая какъ тогда была приложима, такъ и теперь умѣстна и которая для людей разсудительныхъ всегда будетъ понятна, догматическій пунктъ объ исхожденіи св. Духа имѣеть первостепенную важность. недопускающую компромисса, на почвѣ котораго соглашеніе возможно только подъ условіемъ принятія истины по разуму Слова Божія и ученію вселенской церкви, всѣ же обрядовыя и дисциплинарныя разности составляютъ такой предметъ, относительно котораго каждая церковь можетъ имѣть свой почтенный обычай, при соблюденіи или не соблюденіи котораго первою заботой должно быть, чтобы не произвести соблазна для ближняго ¹⁾. Такого взгляда держались и ученые богословы IX в., держался его Ратрамнъ ²⁾, не могъ не раздѣлять его и такой образованный чело-вѣкъ какъ Фотій. Но одно дѣло была теорія, другое — практика. На практикѣ теоретическіе взгляды постоянно приносятся въ обстоятельствамъ и вопросъ о разностяхъ въ IX в. получалъ то ту, то другую постановку, смотря по требованіямъ времени. Преобладающее значеніе имѣлъ вопросъ по преимуществу практической — о власти и правахъ патріарховъ римскаго и константинопольскаго. Отъ постановки этого вопроса зависѣла постановка разностей не только дисциплинарно-обрядовыхъ, но и догматической. Какъ скоро доходило до столкновенія между папами, увлеченными безмѣрностью притязаній, и константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, охранявшимъ свою самостоятельность, тогда не только догматическая

¹⁾ Прекрасно замѣтилъ и: этотъ счетъ Амвросій Медиоланскій блаж. Августану: «когда я здѣсь (въ Миланѣ), я не пошусь въ субботу, когда же я въ Римѣ, я пошусь. Уважайте каждую церковь, сохраняйте ее обычай, если не хотите производить соблазна».

²⁾ Ратрамнъ (Migne CXXI, 313), раздѣлялъ взглядъ Амвросія Медиол. и совѣтовалъ «каждому дѣйствовать по личному усмотрѣнію, въ особенности принимая въ уваженіе авторитетъ своихъ предковъ и обычай своей церкви», при этомъ заботиться только о догматѣ, а остальное не считать предосудительнымъ: *san nihil de dogmate fidei contineant, in quo christianitatis plenitudo consistit, veram consuetudinem suae ecclesiae narrent. nihil ist hinc vel approbandum vel refutandum...*

разность получила истинное свое освященіе, но и разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя чуть не возводились въ догматы. Если же папы молчали о своемъ приматствѣ, не дѣлали попушеній подчинить себѣ церковь восточную; то не только разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя трактовались въ духѣ свисхожденія и взаимнаго уваженія, но и разность въ догматѣ не дѣлалась источникомъ раздора. Такъ какъ не сообразно было съ достоинствомъ догматической истины допускать сознательное и завѣдомое отъ нея уклоненіе, то при этомъ поступали такъ, что о догматической разности или совершенно умалчивали, или (по примѣру предодобнаго Максима) успокаивали совѣсть вѣрующихъ, давая отступленію такое толкованіе, при которомъ оно получало значеніе истины. Въ первомъ отвѣтномъ письмѣ своемъ папѣ Николаю I послѣ двукратнаго константинопольскаго собора 861 г., когда еще папа не обнаружилъ своихъ дѣйствій, въ качествѣ верховнаго судьи и рѣшителя судебъ восточной церкви, Фотій писалъ: „есть много канонѣвъ, которые у однихъ въ употребленіи, а другіе не имѣютъ о нихъ никакого понятія... никого нельзя обязывать исполнять законъ, котораго онъ не получилъ, лишь бы не нарушалась вѣра и общія постановленія“. При этомъ въ примѣръ необязательныхъ законовъ онъ привелъ нѣсколько дисциплинарно обрядовыхъ разностей, но совершенно умолчалъ объ исхожденіи св. Духа, хотя безъ сомятнія и тогда онъ прекрасно зналъ объ отступленіи латинянъ въ этомъ пунктѣ. Когда же папа на своемъ соборѣ низложилъ Фотія, обнаруживъ этимъ поступкомъ свое стремленіе къ подчиненію восточной церкви, тогда Фотій заговорилъ другимъ тономъ: въ энцикликѣ онъ не только указалъ на заблужденіе латинянъ въ догматѣ объ исхожденіи св. Духа, но и остальные разности отнесъ къ разряду заблужденій и даже приравнялъ къ ересямъ,—постъ въ субботу назвалъ „отступленіемъ отъ церковныхъ правилъ“ и „нарушеніемъ преданій“, непощеніе въ первую недѣлю четырехдесятницы „крайнимъ неблагочестіемъ“, разпость въ таинствѣ муропомазанія „попраніемъ таинствъ христіанскихъ“, безбрачіе

священниковъ „манихейскую ересь“. Когда послѣ собора 879 г., непризнаннаго папами, вновь открылось пререкавіе, Фотій поступилъ еще рѣшительнѣе: хорошо сознавая, что его натяжки и преувеличенія по поводу дисциплинарно-обрядовыхъ разностей могутъ не имѣть убѣдительности ¹⁾ онъ для большаго успѣха ограничилъ полемику только двумя пунктами: о *filioque* и о власти римскаго престола. Такимъ образомъ видимъ, что разности между церквами дѣлаются не болѣе какъ оружіемъ въ борьбѣ вызванной противоположностію принциповъ, на которыхъ каѳедры римская и константинопольская основывали свои права; оружіе то прячется, то извлекается, то старательно обостряется, смотря по требованію времени и обстоятельствъ. Недостаточность религіознаго развитія народной массы, не отличавшей догмата отъ обряда, давала возможность обострять оружіе до крайней степени, съ другой стороны живучесть сознанія церковнаго единства, вѣры во *единую* святую соборную и апостольскую церковь побуждала устранять это оружіе и уполномочивала забывать даже о догматическомъ отступленіи или прикрывать его.

Помимо этого послѣдняго обстоятельства, какъ свидѣтельства о сохранявшемся на востокѣ и западѣ сознаніи церковнаго единства, помимо прямыхъ заявленій въ этомъ смыслѣ у полемистовъ, мы имѣемъ и другія указанія, что, не смотря на натянутость отношеній между Константинополемъ и Римомъ, до половины XI в. духовная связь между восточною и западною церквами была еще сильна, единство церкви брало перевѣсъ надъ сознаніемъ разностей. Самый фактъ постоянного обращенія къ Риму, приглашенія римскихъ первосвященниковъ къ участию въ дѣлахъ константинопольской церкви, служатъ уже краснорѣчивымъ тому доказательствомъ. Время отъ времени представители западной и восточной церквей обмѣнивались извѣстительными посланіями, въ которыхъ сообщали

¹⁾ Тѣмъ болѣе что соборъ 879 г. взглянулъ свободно и съ уваженіемъ на значеніе обычая каждой церкви: τὸ εἶδος αὐτῶν ἵκανόν ἐστὶν: καὶ τὸν κανόνα (по поводу обычая возводить мѣрянъ въ патриаршее достоинство).

о своемъ вступленіи на престоль и излагали, въ знакъ духовнаго единенія, свою вѣру. Такъ папа Адрианъ III (884) отправилъ такое посланіе въ Константинополь, патріархъ антиохійскій Петръ (1052) въ Римъ. Союзъ мира и любви выражался также во взаимныхъ молитвахъ, возношеніяхъ при богослуженіи именъ патріарховъ; въ XI в. имена римскихъ папъ значились въ диптихахъ константинопольской церкви и когда впоследствии по этому поводу зашла рѣчь между Керуларіемъ и Петрою антиохійскимъ, послѣдній объявилъ, что около 1008 г. онъ самъ слышалъ, какъ имя папы возносилось въ Константинополѣ и въ Антиохіи въ общественноиъ моленіи ¹⁾. Особенно много содѣйствовали поддержанію религіознаго единства два обстоятельства: во-первыхъ существованіе греческихъ владѣній въ Италіи, во-вторыхъ тяготѣніе всего христіанскаго міра къ Іерусалиму, къ святой землѣ; къ этому присоединялись еще торговыя сношенія итальянскихъ городовъ съ востокомъ. Греческія владѣнія въ Италіи были мѣстомъ взаимодѣйствія запада и востока, сюда происходилъ постоянный приливъ грековъ, являвшихся въ рядахъ армій и по дѣламъ мирнаго свойства, здѣсь греки вступали въ сношенія съ латинянами, — составлявшими населенія ихъ владѣній или обитавшими по сосѣдству съ послѣдними; извѣстный контингентъ пришлыхъ грековъ осѣдалъ въ Апуліи, Калабріи, Сициліи, простираясь изъ Апуліи и на другія области Италіи. Основано было много монастырей и церквей греческихъ, которые существовали о-боиъ съ латинскими, были епископіи принадлежавшія къ патріархату константинопольскому. Въ самомъ центрѣ западнаго христіанства, въ Римѣ, и по близости къ Риму были греческіе монастыри и церкви, державшіяся собственнаго обряда и не встрѣчавшія ни запрещенія, ни притѣсненія со стороны папъ, какъ объ этомъ положительно потомъ засвидѣтельствовалъ папа Левъ IX ²⁾. Мѣста освященныя ученіемъ и кровію

¹⁾ Migne CXX. 800. Wilt. 193.

²⁾ Migne CXLIII. 764.

Христа Спасителя еще болѣе сближали христіанъ. Іерусалимъ былъ объектомъ чистыхъ религіозныхъ чувствованій всего христіанскаго міра, куда не смотря на препятствія со стороны сарацинъ, подъ властію которыхъ находился св. Градъ, отовсюду прибывали массы пилигримовъ. Онъ одинаково былъ дорогъ какъ грекамъ, такъ и латинянамъ, тѣ и другіе одинаково готовы были для него на жертвы. Когда египетскій халифъ ал-Хакимъ разрушилъ въ нач. XI в. іерусалимскій храмъ Воскресенія, задушевною мыслию византійскихъ императоровъ сдѣлалось возстановленіе храма. Романъ III Аргиръ, Михаилъ IV Пафлагонъ и Константинъ IX Мономахъ вели по этому поводу переговоры, по заключеніи договора приступлено было къ работамъ на счетъ визант. правительства и постройка окончена въ 1048 г. Изъ западной Европы прибывали во множествѣ пилигримы на поклоненіе гробу Господню. По пути они заходили въ Константинополь, Антиохію, посѣщали греческіе храмы, молились наравнѣ со всѣми православными предъ иконами греческаго письма, привосили и собственныя иконы, которыя чествовались греками ¹⁾. Для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ западныхъ христіанъ, прибывавшихъ на востокъ, существовали разныя учрежденія, подобно тому какъ таковыя были въ Италіи для удовлетворенія нуждъ являвшихся сюда и поселявшихся здѣсь грековъ. Учрежденія заведены были тѣми, которые не случайно только, не одинъ разъ посѣщали востокъ, но находились въ болѣе или менѣ постоянныхъ сношеніяхъ. Таковы были амальфитанцы и венеціане, рано вступившіе въ торговныя сношенія съ греками. Въ Іерусалимѣ былъ амальфитанскій монастырь и страннопріимница во имя св. Іоанна ²⁾ обязанная происхожденіемъ знатному амальфитянскому дому Мавра. Граждане Амальфи находились въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Александріей, Антиохіей, Констан-

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ Петръ антиох., Migne CXX. 812, и Никита Стифатъ, ib. CXX, 1011.

²⁾ Willg. Tur. 636.

типоподемъ. Старшій сынъ Мавра, Панталео, построилъ странно-примиву въ Антиохіи; въ Константинополѣ у него былъ домъ, гдѣ его соотечественники и вообще западноевропейцы, пріѣзжавшіе въ Константинополь, могли найти пристанище ¹⁾. Кушцы изъ Амальфи, повидимому, имѣли уже въ первой половинѣ XI в. колонію ²⁾ въ Константинополѣ, здѣсь у нихъ былъ храмъ св. Андрея, были монастыри Спасителя (St. Salvatore) и св. Маріи латинской (Santa Maria di Latina), въ которыхъ господствовали латинскіе обряды, не возбуждая ни въ комъ особеннаго соблазна. Венеціане, торговныя отношенія которыхъ въ византійской имперіи особенно развились послѣ 991 г., когда понижены были пошлины съ ихъ товаровъ, тоже имѣли осѣдлость, а съ тѣмъ вмѣстѣ и необходимыя для удовлетворенія религіозныхъ потребностей учрежденія не только въ Константинополѣ, но и въ другихъ городахъ; въ Дирахѣ они заселяли цѣлый кварталъ и имѣли собственный храмъ св. Андрея. Среди населенія колоній — западноевропейскихъ на востокъ, греческихъ въ Италіи, разумѣется, всего легче могла сглаживаться противоположность востока и запада какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ религіозномъ, могъ поддерживаться тотъ духъ терпимости и взаимнаго уваженія, при которомъ церковному обычаю отводилось подобающее мѣсто и онъ переставалъ быть *casus belli* въ между-церковныхъ отношеніяхъ.

Въ половинѣ XI в. произошло новое столкновеніе между церквями, борьба на почвѣ литературной и церковной продолжалась на этотъ разъ не болѣе года и привела къ окончательному раздѣленію церкви. Первымъ открытымъ и достовѣрно извѣстнымъ

¹⁾ Amat. 231. Guib. Anl. 275. Гизульо Салератскій и его слуги въ бытность въ Константинополѣ, останавливались у Панталеона и пользовались его гостепріимствомъ.

²⁾ Heyd, Die Anfänge der ital. Handelscolonien im byzantinischen Reiche Zeitschr. für die Staatswissenschaft VI. XIV, 1858, 652—720, предполагаетъ, что главою колоніи былъ Панталеонъ, такъ какъ къ нему принадлежалъ тагуль консула.

актомъ этой борьбы было посланіе ¹⁾ Льва, архіепископа охридскаго, къ Іоанну епископу транійскому, предназначавшееся для распространенія съ помощію транійскаго епископа между другими латинскими епископами и для сообщенія папѣ ²⁾. По времени написанія оно падаетъ на послѣдніе четыре мѣсяца 1053 г., хронологическою гранью для него служатъ съ одной стороны посѣщеніе Іоанномъ транійскимъ Константинополя, съ другой отвѣтъ на посланіе папы Льва IX. Первый фактъ, какъ ниже будетъ показано, имѣлъ мѣсто не ранѣе сентября 1053 г., послѣдній въ самомъ концѣ 1053 г. Посланіе представляетъ главнымъ образомъ интересъ какъ памятникъ полемическій и въ этомъ отношеніи важно потому, что въ немъ впервые официально заявлено о разности между греками и латинянами по вопросу объ евхаристіиномъ хлѣбѣ, сообщившей преобладающій колоритъ послѣдующей полемикѣ. Патріархъ Фотій совершенно не упомянулъ объ этой разности, изъ чего видно, что въ IX в. греки о ней не знали и что употребленіе опрѣсноковъ до Фотія, какъ замѣтилъ еще іезуитъ Сирмондъ, не было распространено на западѣ ³⁾. Въ историческомъ отношеніи посланіе важно какъ исходный пунктъ, какъ толчекъ къ тому напряженному недоразумѣнію, которое окончилось церковнымъ раздѣленіемъ. При этомъ первостепенную важность имѣло то, какъ взглянули на посланіе на западѣ.

1) Migne CXX, 833—844. WIII 51—64.

2) Помѣщены въ рук. сб. моск. синод. библ. № 208. Изъ нихъ послѣднее издано въ прилож. къ сочиненію Чельцова, Полемика между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ, Спб., 1879, въ греческомъ подлинникѣ съ древне-славянскимъ переводомъ по рукоп. Кириллоблзов. библ. № 76—1153.

3) Древнѣйшее свидѣтельство, указывающее на начало утвержденія на западѣ обычая опрѣсноковъ, относится къ концу VIII и нач. IX в. и заключается въ словахъ Алкуина, который требуетъ, чтобы хлѣбъ освящаемый въ тѣло Христова былъ безъ закваски (Opp. ed. Frobenii, I, 107). Впрочемъ даже это свидѣтельство нѣкоторыми оспаривается, потому что слова: *absque fermento ullius alterius infectionis* могутъ быть понимаемы въ смыслъ требованія отъ евхаристіи хлѣба чистоты и запрещенія разныхъ примѣсей, въ родъ масла.

На западѣ безъ всякихъ колебаній признали виновникомъ этого посланія константинопольскаго патріарха; папа Левъ IX и кардиналъ Гумбертъ ¹⁾ были убѣждены, что оно написано совместно Михаиломъ Керуларіемъ и Львомъ охридскимъ. Дѣйствительно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что инициатива выходила изъ Константинополя, что Левъ поступалъ по предварительному соглашенію съ патріархомъ и по его внушенію. Въ этомъ удостовѣряетъ показаніе историка (хотя и затемненное нѣкоторыми погрѣшностями), что патріархъ Михаилъ возвелъ на римскую церковь обвиненіе въ опрѣсновахъ и что ему помогалъ въ этомъ (συνήσует) Левъ, архіепископъ Болгаріи ²⁾, а еще болѣе одновременное съ обнародованіемъ посланія Льва поведеніе Керуларія въ Константинополь. Въ это время Керуларій съ своей стороны отправилъ посланіе къ Доминику градскому или аввилейскому (венеціанскому тожъ), содержаніемъ котораго былъ вопросъ объ опрѣсновахъ ³⁾ и по поводу котораго Доминикъ въ концѣ того же 1053 г. или въ началѣ 1054 г. счелъ долгомъ написать Петру антиохійскому въ томъ смыслѣ, что на святую римскую церковь напрасно возведено константинопольскимъ епископомъ (παρὰ τοῦ τῆς Κωνσταντινουπόλεως κλήρον) обвиненіе въ нарушеніи церковнаго единства на томъ основаніи, что латиняне совершаютъ евхаристію

¹⁾ Тоже и біографъ Льва IV Виберта.

²⁾ Cedr., II, 555.

³⁾ До насъ не дошло. О немъ знаемъ изъ посланія Михаила Керулл. къ Петру антиох., который, получивъ письмо отъ Доминика, отвѣчалъ ему при жизни еще папы Льва IX, сѣд. раице апрѣля 1054 г., разсуждалъ въ своемъ отвѣтѣ объ опрѣсновахъ и копию отправилъ къ Керуларію. Патріархъ, желая себя объяснить, почему Петръ разсуждаетъ только объ опрѣсновахъ, не касаясь другихъ латинскихъ заблужденій, предполагаетъ, что вѣроятно Доминикъ писалъ что-нибудь по поводу письма на этотъ счетъ полученнаго отъ констант. патріарха: εἰ ταῦτα καὶ ἔγραψεν αὐτῶσι πρὸς τὴν σὴν ἀγιότητα, ὅτι περὶ τούτων ἔγραψεν αὐτῷ ἡ μετρούσις ἡμῶν (Migne, 789, Will. 179). Такъ какъ Доминикъ, писавшій къ Петру въ концѣ 1053 или въ нач. 1054, имѣлъ уже подъ руками посланіе Керуларія, то сѣд. послѣднее подаетъ на тоже время, что и посланіе Льва охридскаго.

на опрѣснокахъ; „мы охраняемъ церковное единеніе“, замѣчаетъ Доминикъ и развиваетъ далѣе свой взглядъ на спасительность обоеихъ обычаевъ—восточной церкви, потому что онъ указываетъ на существо воплотившагося Слова, и западной, потому что въ немъ скрывается указаніе на чистоту человѣческой плоти воспріятой Божествомъ ¹⁾. Въ это же время въ Византіи, по распоряженію патріарха, приняты были стѣснительныя мѣры противъ проживавшихъ въ столицѣ латинявъ, державшихся опрѣсноковъ. Хотя папа Левъ IX ²⁾ указывая на народную молву, на слухи, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній о томъ, что Керулларій заперъ въ Константинополѣ латинскіе храмы и монастыри, сталъ требовать замѣны опрѣсноковъ кваснымъ хлѣбомъ и подвергъ анаѳемѣ всѣхъ принимающихъ таинство евхаристіи на опрѣснокахъ, однакожъ подвергать на этомъ основаніи сомнѣнію самый фактъ административныхъ репрессалій противъ латинявъ ³⁾ нельзя: въ бытность въ Константинополѣ папскіе легаты, безъ сомнѣнія, имѣли возможность обследовать этотъ фактъ,—онъ подтвердился, и выяснилось, что патріаршіи сакелларій Никифоръ по своей должности завѣдующаго монастырями былъ исполнителемъ патріаршихъ мѣропріятій. Поэтому легаты занесли въ актъ отлученія, что Керулларій закрылъ латинскія церкви, словоуъ и дѣломъ преслѣдовалъ латинявъ, называя ихъ азимитами и анаѳематствуя ихъ, а въ ихъ лицѣ апостольскій престолъ; осужденіе легаты произнесли не только надъ Керулларіемъ, но и надъ исполнителемъ его велѣній сакелларіемъ Никифоромъ, который пощипалъ ногами евхаристію латинявъ.

То обстоятельство, что Керулларій письмомъ къ Іоанну трапійскому сдѣлалъ первый шагъ къ разрыву, опредѣлило взглядъ

¹⁾ Migne CXX, 752—853. Will. 205—208.

²⁾ Въ письмахъ къ Керулларію и Константину Мон. Migne CXI.III, 764. 775. 780. Will.

³⁾ Такъ дѣлають некоторые историки, напр. Напаррагоццо, IV, 370—371.

новѣйшихъ историковъ, какъ католиковъ, такъ и протестантовъ ¹⁾, на значеніе Керулларія, какъ виновника церковнаго раздѣленія, всё они относятъ вину на счетъ „невѣжественнаго, ограниченнаго высокоумнаго, честолюбиваго, страстнаго“ и т. д. Керулларія, который будто бы вызвалъ ссору и довелъ ее до роковаго конца; даже православные писатели готовы согласиться, что Михаилъ Керулларій сдѣлалъ первый шагъ къ враждебному наступленію на церковь западную частію вслѣдствіе ревности къ охраненію status quo восточной церкви, частію въ видахъ желанія оградить ее отъ вліянія латинскихъ обычаевъ, частію вслѣдствіе личной запальчивости и безпокойнаго характера“ ²⁾, при чемъ не входя глубже во внутренніе мотивы дѣла и не выясняя скрытаго въ немъ смысла, являются столь же односторонними судьями, какъ и историки западные.

Запальчивость, страстность не принадлежали къ свойствамъ характера Керулларія, скорѣе онъ былъ безстрастный теоретикъ, человекъ твердый и непоколебимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ хладнокровный. Правда, онъ былъ честолюбивъ, но честолюбіе его не шло въ разрѣзъ съ праведностію, направлялось къ поддержанію достоинства и правъ константинопольскаго патріаршаго престола; далеко онъ уступалъ, безъ сомнѣнія, въ образованіи Фотію, но не настолько былъ невѣжественъ въ богословской наукѣ, чтобы не понимать различія между догматомъ и обрядомъ. Зналъ онъ, какъ оказалось впоследствии, объ отступленіи латинянъ отъ православнаго ученія въ догматѣ ³⁾, однакожь на первыхъ порахъ совер-

¹⁾ Ср. напр. Lebeau 387—392. Finlay 73—74, Hertzberg, I, 311—313, Neandur 321—322, Hergenrötter, Handbuch, 690—7.

²⁾ Лебедевъ, Церковь римская и византійская, Чт. въ общ. люб. дух. пр. 1875, I, 282.

³⁾ Этому, повидимому, противорѣчитъ одно мѣсто въ письмѣ къ Петру авт., написанномъ въ концѣ 1054 г. Перечисливъ въ немъ все отступленія латинянъ въ догматахъ и обрядахъ, Керулларій прибавляетъ: ταῦτα κατὰ παράδοσον διέστυλθαντες, ἴνα εἰδῆται: ἕως ἄρα τῆς ἐκείνης ἐποχῆς τὰ τοῦτον τελεούμενα ἦν

шенно не упоминалъ о немъ, вмѣсто того выступилъ съ опрѣснками, относительно которыхъ онъ, какъ первый выдвинувшій ихъ на полемическую арену, могъ увлекаться, но едва-ли имѣлъ утрированное представленіе объ ихъ важности. Если бы даже онъ склоненъ былъ къ утрировкѣ, то общецерковное настроеніе, господствовавшее въ то время въ восточной церкви, убѣжденіе представителей ея въ малозначимости того предмета должны были бы подѣйствовать на него отрезвляющимъ образомъ. До Керулларія по собственному его сознанію ¹⁾, дошли слухи, что патріархи александрійскій и іерусалимскій не только принимаютъ латинянь, вкушающихъ опрѣсноки, но и сами совершаютъ божественную службу на опрѣснокахъ, слухи, разумѣется, были ложны, но самая ихъ возложность доказываетъ, что вопросъ о веществѣ для евхаристійнаго хлѣба не приобрѣлъ въ умахъ тогдашнихъ іерарховъ капитальной важности и было бы странно со стороны Керулларія вооружаться анаемой противъ отступленія считающагося въ церкви безразличнымъ, если только онъ не имѣлъ для того другихъ болѣе существенныхъ мотивовъ.

Для правильности сужденія здѣсь необходимо констатировать тотъ выводъ относительно Керулларія, получаемый изъ знакомства съ его письмами и его поведеніемъ, что онъ былъ далекъ отъ мысли придавать опрѣснкамъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ отношеніяхъ между церквами. По поводу вышеуказаннаго письма Доминика градскаго къ Петру антиохійскому. Петръ Антиохійскій

οὐραν, ὡς περὶ μόνα τὰ ἄζυμα σφάλλονται. καθὼς καὶ αὐτοὶ μευρὶ τοῦ παρόντος ὑπελαμζάνομεν (Migne, CXX, 713. Will, 183). Но слова эти очевидно имѣютъ не тотъ смыслъ, что Керулл. не знакомъ былъ съ другими разностями, кромѣ опрѣснковыхъ, но тотъ, что онъ не писалъ о нихъ. Какъ онъ могъ о нихъ не знать, если даже въ письмѣ Льва охр. печатлено кромѣ опрѣснковыхъ, еще три разницы, или если папы въ посланіяхъ къ восточнымъ патріархамъ, напр. Левъ IX къ Петру ант. (Migne CXLIII, 769—773. Will, 168—171) ввлагалъ свое исповѣданіе вѣры съ прибавкой filioque?

¹⁾ Въ письмѣ къ Петру антиох., Migne CXX, 788. Will, 179.

написалъ не позже апрѣля 1054 г. посланіе—трактатъ къ Доминику ¹⁾).

¹⁾ *Migne* СХХ, 757—781. *Will*, 208—228. Доказавъ въ началѣ посланія неумѣстность титула «патріархъ» въ примененіи къ епископу аквилейской или венеціанской церкви (каковой титулъ приложилъ къ себѣ Доминикъ въ своемъ письмѣ), патріархъ Петръ излагаетъ свой взглядъ на опрѣсноки и аргументы въ пользу превосходства практикы греческой церкви. Какъ памятникъ полемической, это посланіе въ отношеніи содержанія отличается отъ посланія Льва охридскаго во первыхъ тѣмъ, что трактуетъ исключительно объ опрѣсновахъ, не касаясь другихъ разностей, во вторыхъ, что вопросъ объ евхаристіиномъ хлѣбѣ разсматриваетъ съ большою полнотою, чѣмъ Левъ, и приводитъ нѣкоторыя сходныя съ этимъ послѣднимъ соображенія (связь опрѣснотовъ съ ветхимъ завѣтомъ и кваснаго хлѣба *ζυτος* — съ новымъ, совершенство и жизненность сообщаемыя хлѣбу закваской, бездушіе опрѣснотовъ), вносить нѣкоторыя новые отбѣнки мысли, которыхъ нѣтъ у Льва, а именно: о присутствіи въ хлѣбѣ квасномъ трехъ началъ соответствующихъ духу, водѣ и крови, оторывшихся въ Спасителя, когда онъ висѣлъ на крестѣ и когда изъ прободеннаго ребра истекли кровь и вода, а духъ оставался въ тѣлѣ, объ опасности для принимающихъ опрѣсноки впасть въ ересь Аполлинарія, лжеумудрствовавшаго, что слово воспріяло отъ Дѣвы чрезъ св. Духа одно тѣло безъ души и ума, каковой опасности при квасномъ хлѣбѣ не представляется, потому что въ немъ закваска соответствуетъ душѣ, соль—уму, особенно же о несоответствіи опрѣснотной практикы указаніямъ священной исторіи, научающей насъ, что Господь совершилъ тайную вечерю съ учениками въ четвергъ, а не въ пятницу, 13-го, а не 14-го числа перваго мѣсяца, когда еще не было опрѣснотовъ; развивая этотъ послѣдній аргументъ авторъ примиряетъ разнорѣчія между показаніями евангелистовъ, руководствуясь данными въ Исх. XII, 1—3 и тѣмъ правиломъ, что еванг. Іоаннъ, писавшій позже другихъ евангелистовъ, читалъ ихъ и въ своемъ евангеліи восполнялъ и объяснял. Но еще болѣе отличается посланіе Петра отъ посланія Льва въ отношеніи направленія; тогда какъ Левъ охридскій полагалъ, что доказывать правильность употребленія кваснаго хлѣба значить доказывать истинную вѣру, слѣд. на опрѣсноки смотрѣлъ или показывалъ видѣ, что смотреть, какъ на извращеніе православной вѣры, Петръ антиохійскій ясно даетъ понять, что употребленіе того или другаго хлѣба не составляетъ существенной важности, что хлѣбъ квасной совершеннѣе, но и опрѣснока по нуждѣ могутъ быть допущены, не препятствуя спасенію. Опрѣсноки въ первое время христіанства могли быть въ употребленіи въ Римѣ, гдѣ, по свидѣтельству Дѣян., было много іудеевъ; въ этомъ случаѣ допускалось послабленіе въ несущественномъ и маловажномъ, чтобы вѣрнѣе привести къ истинѣ, а когда цѣль была достигнута, тогда сами же апостолы исправили несовершенство и ввели обычай болѣе совершенный, подобно тому какъ они, а по ихъ примѣру и отцы церкви, поступали и во многихъ другомъ, напр. праздновали когда-то суб-

Это свое посланіе, проникнутое примирительнымъ духомъ и свободнымъ взглядомъ на обрядовыя разности, патріархъ антиохійскій чрезъ антиохійскаго дукъ Романа Склира препроводилъ въ копіи къ Михаилу Керуларію. Понятно, какъ долженъ былъ бы отнестись къ нему Керуларій въ томъ случаѣ, если бы онъ придавалъ большое значеніе опрѣснокамъ. Онъ долженъ былъ бы разубѣдить антиохійскаго патріарха, показать ему что онъ ошибается, считая опрѣсноки такою маловажною вещью, что дѣйствительно латиняне погрѣшили противъ правой вѣры, изгнавъ изъ евхаристіи практикн квасный хлѣбъ. Но этого Керуларій не дѣлаетъ. Онъ дѣйствительно старается убѣдить патріарха Петра, что латиняне не право вѣруютъ, но достигаетъ этого инымъ путемъ, разъясняя, что не опрѣсноками только отличаются латиняне отъ грековъ, что они разногласятъ и во многихъ другихъ пунктахъ, въ томъ числѣ и въ догматѣ объ исхожденіи св. Духа ¹⁾.

боту, образывали христіанъ изъ язычниковъ, крестили оглашенныхъ по достиженіи ими тридцати лѣтъ, позволяли епископамъ имѣть женъ, послѣ же того какъ церковь Христова возрасла въ силѣ и пришла въ совершенство, все это измѣнено. Установивъ такимъ образомъ различіе въ дѣлѣ вѣры существеннаго отъ маловажнаго и отвеся къ послѣднему разряду обрядовыя разности, а къ первому непреодолимую истину, догматы, Петръ антиохійскій объясняетъ также преимущественную важность въ дѣлѣ спасенія благочестивой жизни предъ тѣми или другими обрядами, а тѣмъ болѣе важность церковнаго единства. Показавъ несовершенство латинскихъ опрѣсноконъ, онъ тутъ же спѣшить заявить, что, благодареніе Богу, жизнь латинянъ тверда, они славятъ имя Господне дѣлами, съ окраинъ земли предпринимаютъ далекій и трудный путь въ Иерусалимъ на поклоненіе животворящему гробу Господню. Церковное единство—пунктъ настолько важный, что ради его можно пожертвовать обычаями, принося при этомъ мѣстный обрядъ въ жертву практикѣ вселенской церкви. Поведеніе римской церкви потому не одобрительно, что папа, держась обряда стличнаго отъ того, котораго держатся четыре остальные патріарха, не только не желаетъ однакъ склониться предъ голосомъ четырехъ, но еще старается утвердить свей собственный обычай; самаго патріарха константинопольскаго, на котораго Доминикъ былъ недоволенъ за его письмо, Петръ старался оправдать, говоря, что констант. патріархъ считаесть латинянъ православными, огорченъ лишь тѣмъ, что они употребленіемъ опрѣсноконъ удаляются отъ единомыслія съ четырьмя патріархами.

¹⁾ Объ этомъ письмѣ подробнѣе будетъ рѣчь ниже.

Этимъ самымъ Керулларій какъ бы желалъ сказать, что вопросъ объ опрѣсновахъ самъ по себѣ еще не важенъ, изъ-за него еще не слѣдовало бы налагать отлученіе на латинянъ, между тѣмъ въ 1053 г. вопросъ былъ поднятъ и изъ-за него начато въ Византіи преслѣдованіе противъ латинянъ. Обстоятельство рѣшительно непонятное и по законамъ здраваго смысла необъяснимое, если не предположить, что въ основѣ скрывались другіе мотивы, а вопросъ объ опрѣсновахъ былъ ширмою, прикрывавшею эти мотивы. Помимо такихъ мотивовъ это обстоятельство возможно было бы объяснить лишь однимъ способомъ, а именно, что въ теченіи года у Керулларія произошелъ переворотъ въ мысляхъ, въ концѣ 1053 г. онъ считалъ опрѣсноки чрезвычайно важнымъ отступленіемъ, даже уклоненіемъ отъ вѣры, а въ концѣ 1054 г. (когда написано письмо къ Петру антиохійскому) измѣнилъ взглядъ и сталъ смотрѣть на нихъ также, какъ смотрѣлъ Петръ. По такой способъ объясненія оказывается несостоятельнымъ. Керулларій принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, у которыхъ слово и дѣло не расходятся между собою и которые, придя къ извѣстному убѣжденію, поступаютъ согласно съ убѣжденіемъ. Если предположить, что Керулларій въ 1053 г. возставалъ противъ латинянъ и преслѣдовалъ ихъ за опрѣсноки потому, что опрѣсноки сами по себѣ въ его глазахъ были важнымъ предметомъ заслуживавшимъ преслѣдованія; то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что и въ предшествующіе десять лѣтъ своего патріаршества (съ 1043 г.) онъ точно также относился къ латинянамъ, если же относился иначе, то потому что не зналъ о существованіи у нихъ обычая опрѣснотовъ. Но объ посылки невѣрны: Керулларій до 1053 г. и зналъ объ опрѣсновахъ, и въ то же время не вооружался противъ нихъ. Что Керулларій зналъ о нихъ, свидѣтельствуетъ онъ самъ въ письмѣ къ Петру антиохійскому ¹⁾, гдѣ говоритъ, что

¹⁾ Migne, CXX. 788. Will, 177: ἐν τῇ μεγαλοπόλει ὁ Ἀρχιερεὺς ἐνδομῶν πρὸς τὴν ἡμετέραν πολλὰκις ἔλεγε μετρίοτητα· μάλιστα δὲ περὶ ἀξῶμων δι' ἃ καὶ οὐκ ἀπαξ μόνον, ἀλλὰ καὶ δις ἡδὴ καὶ τρίς καὶ τετράκις τῆς θείας ἐξώσθη καὶ ἀπεβλήθη παρ' ἡμῶν κοινωνίας καὶ μετ' ἀφ' ἑσῶς.

Аргиръ во время пребыванія своего въ Константинополѣ часто бесѣдовалъ съ нимъ въ духѣ латинянь объ опрѣснокахъ и вслѣдствіе того раза три-четыре былъ недопущенъ къ причащенію, что было вполне законно и необходимо въ томъ случаѣ, если Аргиръ признавалъ правильность только евхаристіи совершенной на опрѣснокахъ и требовалъ, чтобы и въ греческомъ храмѣ его причащали опрѣсноками. Аргиръ проживалъ въ Константинополѣ съ 1045 по 1051 г., слѣдовательно къ этому времени относятся бесѣды его съ Керулларіемъ объ опрѣснокахъ и Керулларій, по меньшей мѣрѣ года за два до открытаго выступленія противъ латинянь, имѣлъ свѣдѣнія объ опрѣснокахъ и знакомъ былъ съ аргументами за и противъ. Что Керулларій до конца 1053 г. не преслѣдовалъ латинянь за опрѣсноки, объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе всякихъ указаній въ этомъ смыслѣ, между тѣмъ таковыя несомнѣнно остались бы, если бы фактъ существовалъ, потому что въ интересахъ латинянь, въ частности папскихъ легатовъ, было выяснить все, что только можно было съ ихъ точки зрѣнія поставить въ вину Керулларію. При этомъ необходимо надлежащимъ образомъ оцѣнить одно мѣсто въ хроникѣ Скилиція, на которомъ можетъ быть основанъ противоположный выводъ. Вотъ оно: „патріархъ Михайлъ послѣ своего рукоположенія (*ἀρχιεπίσκοπος*, т. е. въ 1043 г.) выбросилъ римскаго папу изъ диптиховъ, возведя на него обвиненіе въ опрѣснокахъ, какъ причину удаленія изъ диптиховъ. Въ этомъ ему содѣйствовалъ патріархъ антиохійскій Петръ, архіепископъ Болгаріи Левъ и вся знатнѣйшая часть церкви. Придя же въ столкновеніе съ тогдашнимъ игуменомъ студійскаго монастыря Михаиломъ, по прозванію Мерментуломъ, выбросилъ изъ синодика, читаемаго въ церквахъ, св. Θεодора Студита. Мерментулъ не перенесъ этого, пришелъ къ царю и сообщилъ ему о происшедшемъ. И вотъ по царскому повелѣнію прочитанъ былъ синодикъ въ недѣлю Самарянина, все остальное прочитано было по обычаю, а имя великаго Θεодора патріархъ, вставши, произнесъ громкимъ и раздѣльнымъ голосомъ. Такимъ образомъ укорочено было возник-

шее по этому поводу волненіе монаховъ и Мерментула“ ¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ поставлены въ связь два сообщенія: а) о столкновеніи Керулларія съ Римомъ и б) о его столкновеніи съ студійскимъ монастыремъ. Последнее столкновеніе въ сообщеніи Скилиція имѣеть загадочный характеръ. Изъ того, что въ хроникѣ оно поставлено въ тѣсную связь съ первымъ столкновеніемъ можно догадываться, оно произошло въ 1053—54 г. О поводахъ къ столкновенію исторіеъ ничего не говорятъ, но сопоставляя одно замѣчаніе Петра антиох. ²⁾ съ неизданнымъ трактатомъ Никиты Стифата ³⁾ можно придти къ заключенію, что столкновеніе произошло изъ-за поясовъ, которые стали носить діаконы—монахи студійскаго монастыря и которые не смотря на всѣ старанія патріарха, не могли быть выведены изъ употребленія. Что касается сообщенія Скилиція о столкновеніи съ Римомъ, то въ немъ истина пережѣвана съ ложью. Вѣрно то, что имя папы было выброшено изъ диптиховъ константинопольской церкви, что Керулларій первый выступилъ противъ латинянь съ обвиненіемъ по поводу опрѣснোকъ и что помощникомъ константинопольскаго патріарха былъ Левъ охридскій, но затѣмъ остальныя частности (о Петрѣ антиохійскомъ, особенно же о времени исключенія папы изъ диптиховъ и побужденіи къ тому) явно выдуманы: Петръ антиохійскій потому уже не могъ участвовать во враждебномъ столкновеніи Константинополя съ Римомъ по вопросу объ опрѣснокахъ, что онъ держался взгляда на этотъ предметъ исключавшаго возможность вражды, а главное, что до 1054 г. не начиналось переписки, не завязывалось сношеній по этому предмету у Петра съ Керулларіемъ, слѣдов. не могло произойти никакого соглашенія на счетъ общихъ дѣйствій въ борьбѣ съ Римомъ. Несообразность же той частности, что Петръ содѣйствовалъ констант. патріарху съ момента рукоположенія послѣдняго, достаточно уже

¹⁾ Седг., II, 555.

²⁾ Migne, CXX, 809. Will, 200.

³⁾ Νικήτης μοναχὸς τοῦ Στουδίτου εἰς ζώνην τῶν Στουδίτων διακόνων. Трактатъ найденъ проф. Н. Е. Троицкимъ въ рукоп. моск. синод. библ. № 167.

разоблачается тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ вступилъ на антиохійскій престолъ лишь въ 1052 г. ¹⁾). Исключение папы изъ диптиховъ сдѣлано не Керулларіемъ и не въ 1043 г., но гораздо раньше, когда еще не было возбуждаемо вопроса объ опрѣсновахъ. Если бы это сдѣлано было Керулларіемъ или, по крайней мѣрѣ, его предшественникомъ, на его памяти; то естественно было бы Керулларію или питомцу константинопольской патриаршей школы, Петру антиохійскому, имѣть на этотъ счетъ достовѣрныя свѣдѣнія. Между тѣмъ какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ крайне смутное представленіе о дѣлѣ. Въ своемъ письмѣ къ Петру антиох., отправленномъ не ранѣ послѣднихъ чиселъ іюля 1054 г., послѣ окончательнаго разрыва, Керулларій писалъ: „до нашихъ ушей дошелъ слухъ, что твое совершенство (τελειώτης), а также патриархи александрійскій и іерусалимскій, возносите въ священныхъ диптихахъ римскаго папу. Не думаю, чтобы возможно было допустить такую несообразность, особенно съ твоей стороны; ибо ты знаешь, что со времени святаго вселенскаго шестаго собора возношеніе папы исключено изъ священныхъ диптиховъ въ нашихъ святыхъ церквяхъ за то, что тогдашній папа римскій Вигилій не прибылъ на этотъ соборъ и не анаематствовалъ какъ написаннаго Θεодоритомъ противъ правой вѣры и двѣнадцати главъ св. Кирилла, такъ и посланія Ивы; съ тѣхъ поръ и до нынѣ папа отсѣченъ отъ нашей святѣйшей католической церкви. Поэтому-то мы и показали это

---

¹⁾ Здѣсь не лишне исправить неточность состоящую въ томъ, что вступленіе Петра на антиох. кафедру обыкновенно относится къ 1053 г. Въ письмѣ къ Доминику, которое, какъ уже замѣчено, писано не позже апрѣля 1054 г. Петръ гов., что въ началѣ своего архіерейства онъ послалъ блаженнѣйшему папѣ римскому публичное посланіе (πρωτότυχον γράμμα), но вотъ прошло съ тѣхъ поръ два года (διετία) и никакого не получено отвѣта, поэтому написать вновь посылаетъ въ Венецію, дабы ты отправилъ къ его честнѣйшему блаженству (σεβασμιωτάτῳ μακαριότητι, слѣд. и выше зовить τὸν μακαριώτατον не значить «покойный»), получилъ отъ него отвѣтъ и прислалъ къ намъ». Migne, CXX, 780. Will, 227—8. Простаго вычитанія достаточно, чтобы видѣть, когда началось патриаршествованіе Петра, если въ первой половинѣ 1054 г. минуло два года.

невѣроятнымъ не столько въ разсужденіи тѣхъ двухъ патріарховъ, сколько въ виду твоей учености и замѣчательнаго благоразумія“¹⁾. По поводу этихъ словъ Петръ антиох. писалъ Керулларію слѣдующее: „содержаніе твоего почтеннаго письма повергло меня въ стыдъ, и повѣрь—болѣе за тебя, именно если ты такія же письма, какъ къ намъ, написалъ и къ другимъ блаженнѣйшимъ патріархамъ, неосновательно и безъ полнаго знанія, слѣдуя пустой молвѣ, представилъ не бывшее бывшимъ. Если твоя святая церковь не возноситъ папу, то какимъ образомъ могъ бы возносить его я, питомецъ и ревнитель этой церкви, болѣе чѣмъ кто другой всегда прославляющій и возвеличивающій ея преимущества (πρεσβεία) словомъ и дѣломъ? А что разсказано относительно Вигилія, это не рекомендуетъ тщательности твоего добродѣтельнаго хартофилакса, который хотя и искусенъ, какъ мы слышали, въ риторической наукѣ, однакожь въ дѣлахъ церковныхъ оказывается новичкомъ, не пріобрѣвшимъ надлежащей опытности“. Исправивъ затѣмъ допущенныя Керулларіемъ церковно-историческія ошибки, т. е. сказавши, что папа Вигилій жилъ во время пятаго, а не шестаго вселенскаго собора, что онъ по причинѣ вражды съ патріархомъ Мивой былъ лишень церковнаго возношенія, но лишь временно, во время же шестаго вселенскаго собора папой былъ Агафонъ, къ которому, какъ свидѣлствуютъ акты, читаемые обыкновенно въ недѣлю по воздвиженіи честнаго креста, соборъ отнесся съ честью, патріархъ Петръ продолжаетъ: „я самъ могу быть неоспоримымъ свидѣтелемъ, а со мною многія изъ знатныхъ лицъ церкви, что при покойномъ (τῷ μακροβίτῳ) патріархѣ антиохійскомъ киръ Іоаннѣ папа римскій Іоаннъ возносимъ былъ въ священныхъ диптихахъ,—это я самъ слышалъ. А когда я сорокъ пять лѣтъ тому назадъ прибылъ въ Константинополь, тогда я слышалъ, какъ покойный патріархъ киръ Сергій во время божественнаго тайнодѣйствія возносилъ того же папу вмѣстѣ съ другими патріархами. Какимъ образомъ и по какой причинѣ

¹⁾ Migne CXX, 728—9. Will, 178—179.

исключено впоследствии его возношеніе, я не знаю¹⁾. Такимъ образомъ ни Керулларій, ни Петръ не имѣютъ точныхъ свѣдѣній, о времени и причинахъ исключенія римскаго папы изъ диптиховъ, — свѣдѣнія Керулларія не только не точны, но извращены исторически, Петра — ближе къ истинѣ. Петръ по собственному опыту знаетъ, что при патриархѣ Сергіѣ имя папы Іоанна возносилось въ Константинополь и въ Антиохіи, и такъ какъ изъ двухъ папъ, носившихъ при Сергіѣ это имя, Іоаннъ XVIII занимавшій папскій престолъ до 1008 г. ближе подходитъ къ вычисленію (1054—45=1009), чѣмъ папа Іоаннъ XVII сидѣвшій на престолѣ съ мая до декабря 1003 г., то очевидно перваго и нужно разумѣть подъ папой, имя котораго возносилось за литургіей, и время возношенія относить приблизительно къ 1008 г. Петръ знаетъ, что лишь впоследствии, послѣ 1008 г., имя папы выброшено изъ диптиховъ, но достоверно не знаетъ, когда и почему. Мы можемъ догадываться, что это произошло или при патриархѣ Сергіѣ (999—1019) вслѣдствіе сдѣланнаго папой Бенедиктомъ VIII (1012—1024) распоряженія, чтобы во время литургіи пѣть былъ символъ вѣры съ прибавкой *filioque*, или при патриархѣ Евстаѣѣ (1019—1025) въ связи съ неудавшеюся въ 1024 г. попыткой склонить папу Іоанна XIX (1024—1032) къ признанію за константинопольскимъ патриархомъ титулъ „вселенскій“. Результатъ тотъ, что свѣдѣніе, занесенное Скилиціемъ въ хронику о столкновеніи Керулларія съ Римомъ, проишедшемъ будто бы тотчасъ послѣ вступленія его на патриаршій престолъ, возникшемъ изъ-за опрѣснокъ и выразившемся исключеніемъ имени папы изъ церковныхъ диптиховъ, не вѣрно: оно заимствовано Скилиціемъ изъ какого-то до насъ недошедшаго и крайне ненадежнаго источника, проникнутаго нерасположенностію къ константинопольскимъ патриархамъ. Даже такой малосмыслящій компиляторъ, какъ Кедринъ, понялъ дѣлу этого источника и въ своей компиляціи рассмотрѣнное мѣсто Скилиція выпустилъ.

¹⁾ Migne CXX, 796—800. WIII, 190—193.

Какія же были побужденія для неожиданнаго со стороны Керулларія шага, его нападенія на латинянъ—административнаго и литературнаго? Мало данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, но и тѣхъ немногихъ указаній, какія находятся въ нашемъ распоряженіи, достаточно, чтобы убѣдиться, что столкновение при Керулларіѣ было аналогично съ столкновеніемъ при Фотіѣ. Точно также вопросъ о разностяхъ между церквами былъ только легальнымъ оружіемъ примѣненнымъ въ минуту опасности сначала не достаточно острымъ, но обостреннымъ послѣ того, какъ опасность увеличилась. Точно также въ основѣ лежало соперничество между римскимъ и константинопольскимъ престолами за власть и за границы епархій. Разница между столкновеніемъ при Фотіѣ и Керулларіѣ лишь та, что въ одномъ случаѣ притязаніе римской церкви на подчиненіе себѣ константинопольской вызвало послѣднюю къ самозащитѣ и потому это притязаніе восполнено было вопросомъ объ епархіяхъ, во второмъ же случаѣ территориальный вопросъ выступилъ сначала и вызвавъ со стороны константинопольской епархіи протестъ, подъ видомъ нападенія на опрѣсвоки, былъ затѣмъ осложненъ вообще борьбой за власть; въ первомъ случаѣ византійское правительство было союзникомъ византійской церкви противъ папскихъ притязаній, въ послѣднемъ оно принесло преимущества своей церкви въ жертву политическимъ расчетамъ и папству. При Фотіѣ дѣло остановилось лишь на недоразумѣніяхъ, не дойдя до катастрофы, при Керулларіѣ оно окончилось разрывомъ, потому что безъ малаго два столѣтія протекшихъ отъ Фотія до Керулларія не остались безъ вліянія на всестороннемъ проясненіи въ сознаніи востока и запада противоположности между ними національной, политической и церковной, внутреннее же отчужденіе—результатъ противоположности нашло себѣ внѣшнее выраженіе въ формальномъ раздѣленіи церквей.

X вѣкъ и начало XI-го были не благопріятнымъ временемъ для папства. Принципъ воплотившійся въ папствѣ нашелъ себѣ соперниковъ и конкурентовъ. Национальность, которая оказалась

силѣ Карловой монархіи, не осталась безъ воздѣйствія и на ея наслѣдницу, монархію папскую; въ противовѣсъ ея идеалу, начертанному въ лжеисидоровыхъ декреталіяхъ, вырабатывается идеалъ папства національнаго, на реймскомъ соборѣ 991 г. выставляются здоровые аргументы противъ лжеисидоровыхъ декреталій, высказывается мысль о назначеніи мѣстнаго папы и отдѣленіи провинціальныхъ церквей отъ римскаго престола. Впослѣдствіи къ французамъ присоединились испанцы, желавшіе имѣть собственнаго папу для Испаніи. Папство благополучно одолѣло этого соперника, грозившаго подорвать принципъ въ его корнѣ, завершеніемъ его торжества было вступленіе на папскій престолъ Сильвестра II (999), того самаго Герберга, который былъ противникомъ папской власти и раздѣлялъ мысли, высказанныя на реймскомъ соборѣ его другомъ Арнульфомъ, архіепископомъ орлеанскимъ. Опаснѣе былъ для папства и несравненно болѣе хлопотъ ему надѣлалъ конкурентъ въ лицѣ германскихъ императоровъ, которые, считая себя непосредственными наслѣдниками Карла V., стремились въ власти не только надъ государствомъ, но и надъ церковію, завладѣли нѣкоторыми прерогативами, присвоенными папствомъ и получили въ свои руки право распоряжаться папскимъ престоломъ. Въ промежутки, когда ослабѣвала на время сила германскихъ императоровъ, это право захватывали римскіе магнаты, Кресцентіи и другіе. Подъ давленіемъ этихъ враждебныхъ силъ папство пало матеріально и нравственно: папскія владѣнія, патримоніи папскаго престола были отняты частію германскими императорами, частію римскими и сосѣдними съ Римомъ магнатами, римская кафедра доведена была до состоянія крайней скудости, казна папская была истощена, на папскомъ престолѣ сидѣли личности, за немногими исключеніями, ничтожныя, были папы поражаемые нравственною разнузданностію, вступавшіе на престолъ съ помощію насилія и подкупа, церковь въ своихъ членахъ соотвѣтствовала главѣ, клиръ, ко всеобщему соблазну, предавъ былъ распутству, симонія царила беззавѣтно, всѣ церковныя мѣста покупались за деньги. При такомъ состояніи матеріаль-

номъ и нравственномъ не мыслима была борьба съ противниками, папство физически и морально лишено было средствъ для того, чтобы подняться изъ своего униженія.

Въ первой половинѣ XI ст. обнаруживается стремленіе къ возрожденію папства: центромъ движенія дѣлается монастырь Ключи, борцы выходятъ изъ рядовъ монашества, съ которымъ папство заключаетъ тѣсный союзъ, къ разряду дѣятелей принадлежать и лучшими выразителями этого реформаціоннаго направленія могутъ служить Петръ Даміани, а еще болѣе Гильдебрандъ. Партія, державшаяся этого направленія, проникнута была идеей папской сеократіи и окончательною цѣлью имѣла не только освобожденіе папства отъ вліянія свѣтской власти, но и подчиненіе государства церкви. Планъ дѣйствій начертанъ былъ умно и выполненіе его отличалось послѣдовательностію и постепенностію. Девизомъ поставлено было правило, что цѣль оправдываетъ средства, и Гильдебрандъ въ этомъ отношеніи былъ достойнымъ ученикомъ папы Григорія VI, который, задавшись благою цѣлью принести пользу церкви, не остановился для этого предъ дурнымъ средствомъ и купилъ себѣ за деньги папское достоинство. Партія для достиженія цѣли рѣшилась на первыхъ порахъ пользоваться тѣмъ средствомъ, которое по ея убѣжденію представляло собою нарушеніе правъ божескихъ и человѣческихъ, именно властнымъ положеніемъ свѣтской власти относительно церкви. Расчетъ заключался въ томъ, чтобы, пользуясь пріобрѣтеннымъ германскими императорами правомъ, избирать папъ, возводить съ помощію императоровъ на папскій престолъ достойныхъ лицъ, которыя проникнуты были бы преобразовательными планами, раздѣляли бы стремленія партіи преобразователей, а главное служили бы для нея послушнымъ орудіемъ. Съ помощію такихъ папъ предположено было дать папству окрѣпить физически и нравственно, т. е. возвратить папству отнятыя владѣнія, патримоніи римской кафедры, по возможности увеличить ихъ новыми пріобрѣтеніями, очистить церковь отъ безнравственности, утвердивъ на строгихъ основаніяхъ безженство клира и из-

главъ изъ нея симонію. По достиженіи этой первоначальной цѣли, имѣлось въ виду сдѣлать дальнѣйшій шагъ: съ помощію полученныхъ средствъ, духовенства возвышеннаго въ народномъ уваженіи и преданнаго папѣ, тѣхъ денегъ, какія поступать въ папскую казну изъ свѣтскихъ владѣній папы, тѣхъ вассаловъ, которые будутъ находиться въ этихъ владѣніяхъ, увеличивая и усиливая эти средства, смотря по времени и обстоятельствамъ, еще новыми средствами, приступить къ освобожденію церкви отъ вліянія свѣтской власти, вырвать изъ рукъ императоровъ и свѣтскихъ князей право избранія папъ и другихъ лицъ на церковныя должности. Когда и эта вторая цѣль будетъ достигнута, окончена будетъ эмансипація папства и вообще церкви, тогда приступить къ осуществленію третьей и послѣдней задачи: къ подчиненію государства церкви, къ утвержденію за папами права распоряжаться престолами царей и князей въ той мѣрѣ, въ какой прежде послѣдніе распоряжались папскою и епископскими кафедрами, пользоваться неменьшимъ вліяніемъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, чѣмъ прежде люди свѣтскіе пользовались въ дѣлахъ церковныхъ. Мало по малу, благодаря благопріятно сложившимся обстоятельствамъ и талантливымъ дѣятелямъ папства, задачи были осуществлены. Осуществленіе ихъ было начато со вступленіемъ на папскій престолъ Льва IX (1048—1054).

Въ лицѣ Льва IX вступилъ на престолъ папа какъ нельзя болѣе пригодный для партіи. Это былъ человѣкъ строгихъ нравовъ, благочестивый, преданный церкви и готовый на жертвы ради блага церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ мягкій, податливый, которымъ легко было руководить, и онъ съ первыхъ же шаговъ своего новаго поприща подпадаетъ вліянію реформаторовъ и во все время поступаетъ по ихъ указаніямъ. Онъ вступаетъ въ тѣсный союзъ съ монашествомъ, покровительствуетъ ему (что доказывается массою данныхъ въ разныхъ монастыряхъ привилегій), въ свою очередь пользуется поддержкой монаховъ, окружаетъ себя такими личностями, какъ Гильдебрандъ, Гумбертъ, Фридрихъ, всю жизнь посвящаетъ реформѣ, направленной къ возвышенію цер-

кви въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. При вступленіи его на престолъ казна папская находилась въ запусѣннѣ, по словамъ біографа папы Виберта ¹⁾, въ ней не было ни гроша, такъ что папѣ и его приближеннымъ приходилось продавать одежду, чтобы выручить средства къ пропитанію. Это тоже свидѣтельствуешь объ отсутствіи или по меньшей мѣрѣ крайнемъ оскудѣніи патримоніи, главнаго источника доходовъ. Объ этомъ же свидѣтельствуешь и тотъ фактъ, что Льву, по вступленіи на престолъ, дозволено было императоромъ Генрихомъ III, хорошо знавшимъ ресурсы папскаго престола, удержать ради кормленія епархію Туль, которую Брюнонь занималъ прежде чѣмъ превратился въ Льва IX, подобно тому какъ дозволено было въ этихъ же видахъ и предшествующимъ папамъ оставить за собою по вступленіи на престолъ—Клименту II епархію бамбергскую, Дамасу II бриксенскую. До какихъ размѣровъ дошла распушенность и симонія среди латинскаго духовенства ко времени вступленія на престолъ Льва IX, можно судить по тому, что по заявленію Беренгара ²⁾, не было города, гдѣ бы епископъ получилъ кафедру по церковнымъ правиламъ, а противъ рѣшительныхъ мѣръ Льва IX въ духѣ реформы приводилось возраженіе, что если лишать должности всѣхъ, которые незаконно ее получили, или ведутъ жизнь несогласную съ канонами, то всѣ безъ исключенія римскія церкви останутся безъ священниковъ и некому будетъ служить обѣдни ³⁾. Папа Левъ IX собиралъ соборы и въ Римѣ, и въ другихъ мѣстахъ во время своихъ путешествій во Францію, Германію и Венгрію по церковнымъ и политическимъ дѣламъ, вооружался на нихъ противъ симоніи и безнравственности духовенства, постановлялъ строгія правила и призывалъ ихъ къ тѣмъ изъ духовныхъ, ко-

¹⁾ Muratori III, 292.

²⁾ Berengar, de sacra coena, ed. Vischer. Berol. 1834, 63: nullae urbes hoc tempore ecclesiastica institutione episcopos accipiant.

³⁾ Между прочимъ это возраженіе долженъ былъ опровергать Петръ Даміанъ въ Liber gratissimus.

торые были виновны въ этихъ преступленіяхъ. На ряду съ заботами объ очищеніи церкви отъ симоніи и безнравственности, папа много заботился о патримоніяхъ, и не даромъ Гильдебрандъ, возведенный въ званіе субдіакона, былъ назначенъ имъ завѣдующимъ имуществами римской церкви ¹⁾. Самое важное въ этомъ отношеніи приобрѣтеніе былъ Беневентъ, передача котораго папѣ произошла, какъ полагають, не безъ согласія Генриха III, была условлена съ начала папствования Льва IX ²⁾, но завершена въ 1051 году. Мѣстный хронистъ рассказываетъ, что весною 1051 г., беневентанцы отправили посольство и предложили папѣ придти въ ихъ городъ. Левъ IX послалъ сначала кардинала-епископа Гумберта и патріарха Доминика градскаго, чтобы они разузнали о положеніи дѣлъ. Все произошло по желанію, жители присягнули обоимъ епископамъ, какъ уполномоченнымъ папы, послѣ чего епископы возвратились въ апрѣль въ Римъ, въ сопровожденіи 20 знатныхъ беневентанцевъ, которые явились въ качествѣ заложниковъ отъ города. Затѣмъ папа отправился лѣтомъ въ монастырь Монтекассино, а оттуда въ Беневентъ и въѣхалъ въ городъ 5 іюля 1051 г., пробылъ въ городѣ цѣлый мѣсяцъ и лишь 4 августа отправился въ Салерно ³⁾. Замѣчательно, что именно съ 1051 г. папа обнаруживаетъ усиленную дѣятельность по предмету увеличенія и приведенія въ порядокъ владѣній римскаго престола. Это отмѣчаетъ и его біографъ ⁴⁾, объ этомъ же свидѣтельствуютъ и другія данныя: отъ іюня 1051 г. до половины апрѣля 1052 г. нѣтъ ни одной папской буллы, которая была бы издана въ Римѣ; обыкновенно Левъ IX собиралъ ко времени Пасхи соборы, но въ 1052 г. пасхальныхъ соборовъ собираемо не было. Все это показывается, что папа озабоченъ былъ другими дѣлами, отвлекавшими его отъ обычныхъ занятій и препятствовавшими ему

¹⁾ Bonithonis, ap. Jaffe.

²⁾ Gfrörer, Papst Gregorius VII. S. VI, 627 pg.

³⁾ Ann. Benev. 179.

⁴⁾ Wiberti, 295.

оставаться въ Римѣ. Дѣла эти—финансоваго свойства. Заботы объ устройствѣ финансовой части отражаются и на буллахъ, изданныхъ въ это время. Такъ въ одной буллѣ, мѣсто изданія которой не обозначено, но которая помѣчена 18 марта 1052 г., папа утверждаетъ права на одно недвижимое имущество за монастыремъ Помпозой, но при этомъ выговариваетъ условіе, чтобы монастырь платилъ ежегодно известный взносъ въ пользу римской церкви ¹⁾).

О какихъ же владѣніяхъ римскаго престола хлопоталъ папа? Прежде всего вниманіе его привлекали тѣ, которые лежали по сосѣдству къ Риму и были въ предшествующее время отняты разбойниками. Подъ разбойниками, грабившими владѣнія св. Петра, съ которыми, по словамъ біографа ²⁾), велъ упорную борьбу Левъ IX, можно разумѣть не только тѣхъ, которые въ данный моментъ дѣлали нападенія на патримоніи, но и тѣхъ, которые неправильно владѣли этими патримоніями, разбойнически захвативъ ихъ въ прежнее время. Естественно также было Льву IX или тѣмъ изъ его приближенныхъ, которые ближе стояли къ этому дѣлу, вспомнить о патримоніяхъ въ Апуліи, Калабріи и Сициліи, съ давнихъ поръ составлявшихъ предметъ папскихъ заботъ, которыя во время седьмаго вселенскаго собора и при патриархѣ Фотіѣ не удалось возвратитъ римской кааедрѣ. Апулія и Калабрія de jure принадлежали тогда византійскому государству, но de facto власть византійскихъ императоровъ оспариваема была норманскими авантюристами. Подъ ударами послѣднихъ, византійская власть значительно уже была поколеблена послѣ неудачъ постигшихъ грековъ со времени италійскаго дуки Михаила Докіана (съ 1041 г.); норманскіе графы раздѣлили между собою значительную часть Апуліи и проникли въ Калабрію, гдѣ основали Стридулу (1044), какъ операціонный пунктъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Многое, захваченное норманнами, было возвращено трудами Маниака (Трани,

¹⁾ Jaffe, Regesta, № 3245.

²⁾ Wiberti, 295.

Джіовенато, Монополи, Матерра) и Іоанна-Рафаїла (Стира, Личче, Гарганская крѣпость). Въ 1051 г. съ беневентскими владѣніями папы сосѣдили съ одной стороны греки, державшіеся во многихъ городахъ, начиная съ пограничнаго укрѣпленія Троги, съ другой норманны, осѣвшие въ укрѣпленныхъ пунктахъ, начиная съ пограничнаго города Мельфъ, который первый изъ греческихъ городовъ сдѣлался жертвою ихъ хищничества. Въ Сициліи пріобрѣтенія, сдѣланныя Маніакомъ, были совершенно потеряны, греческій гарнизонъ долженъ былъ очистить даже Мессину, сарацины, владѣвшіе островомъ до Михаила Пафлагона, опять имъ овладѣли. Однакожь греки не отказывались отъ надежды возстановить свою власть въ Сициліи и италійскій дукъ Аргиръ, назначенный на должность 1051 г. носилъ титулъ дукъ Апуліи, Калабріи и Сициліи. Помимо старыхъ традицій, доказывавшихъ принадлежность Сициліи византійскому государству, расчеты грековъ на обладаніе островомъ могли поддерживаться непрекращавшимися смутами въ средѣ сарацинскихъ владѣтелей острова и существованіемъ на немъ греческихъ колоній, находившихся въ церковной зависимости отъ константинопольскаго патріаршаго престола и послѣ того, какъ порвана была зависимость политическая отъ византійскаго императора. Папская политика, руководимая людьми неразборчивыми въ средствахъ для достиженія цѣли, сразу выяснила различіе своихъ задачъ въ Сициліи и Италіи, понявъ, что вопросъ о патримоніяхъ долженъ быть рѣшаемъ по отношенію къ Италіи въ союзъ съ Византіей, по отношенію къ Сициліи въ союзъ съ врагами Византіи сарацинами; норманнами папство на первыхъ порахъ пренебрегло, во-первыхъ потому, что утвержденіе ихъ въ Италіи находилось еще подъ сомнѣніемъ и никакъ нельзя было ожидать такого счастливаго для нихъ исхода, какой оправдала послѣдующая исторія, во-вторыхъ, еще болѣе потому, что, составляя свою карьеру въ Италіи, норманны отличались крайнею неразборчивостью, пользовались не только на счетъ грековъ, но также на счетъ владѣній мѣстныхъ италійскихъ князей, не исключая и папскихъ владѣ-

ній, равно какъ на счетъ церквей и монастырей. Папа Левъ IX, видѣвшій въ монашествѣ надежнѣйшую опору для реформы и прокрестительствовавшій монастырямъ, долженъ былъ выступить противъ норманновъ, которые не щадяли монастырскихъ имущества, еще болѣе онъ долженъ былъ не благоволять къ норманнамъ по поводу ихъ нападений на папскія владѣнія, въ частности на беневентскую область, вновь пріобрѣтенную папскимъ престоломъ. Выяснивъ свои задачи на счетъ патримоній, папство начало преслѣдовать ихъ по намѣченному плану, въ основѣ котораго лежалъ союзъ съ сарацинами и Византіей. Въ источникахъ ¹⁾ читаемъ смутное извѣстіе, что въ 1050 г. иноземные властители прислали къ Льву IX пословъ и обѣщали покорность; въ томъ же году на соборѣ въ Римѣ папа издаетъ буллу касательно канонизаціи Гергарда тульскаго и на ней Гумбертъ подписывается „*siciliensis archiepiscopus*“ ²⁾. Этотъ послѣдній фактъ, усвоеніе Гумберту титула архіепископа сицилійскаго ставитъ ³⁾ въ связь съ радужнымъ приѣмомъ, встрѣченнымъ Львомъ IX у салернскаго князя и у норманновъ во время втораго посѣщенія имъ Нижней Италіи (1050); приѣмъ-де возбудилъ въ немъ надежды на пріобрѣтеніе для римской епархіи Сициліи, въ церковномъ отношеніи зависѣвшей отъ константинопольскаго патріарха. Но правильнѣе, кажется, поставить его въ связь съ фактомъ сношеній съ иноземными властителями, происходившихъ въ 1050 г.; подъ властителями могутъ быть подразумѣваемы мелкіе сицилійскіе эмиры, которые въ своихъ внутреннихъ раздорахъ и до 1050 г. искали помощи у христіанъ (грековъ) и послѣ 1050 г. обращались за помощью къ христіанамъ (норманнамъ) и которые въ 1050 г. могли начать переговоры съ папой Львомъ IX и обѣщать ему ничего въ глазахъ сарацинъ не значившую церковную власть надъ сицилійскими христіанами. Но если какіе-нибудь расчеты соединялись съ ти-

¹⁾ Hermann, *Cont.*, 129.

²⁾ Jaffé, *Reg.* № 3309. Mansi, *Concl.* XIX, 771.

³⁾ Haubmann, *Cardinal Humbert, sein Leben und seine Werke*, Göttingen. 1883. 4.

титулъ, присвоенный Гумберту, то скоро обнаружилась ихъ эфемерность; самъ по себѣ титулъ былъ пустой звукъ, не приносявшій никакихъ выгодъ; для пріобрѣтенія выгодъ необходимо было, чтобы въ Сициліи, на мѣстѣ сарацинскихъ эмиратовъ утвердилась власть христіанъ покорныхъ папѣ, — между тѣмъ этотъ титулъ могъ повредить Риму въ его сношеніяхъ съ Византіей, потому что такъ-ли, или иначе, это было вызовомъ Византіи, присвоеніемъ, безъ вѣдома византійскаго императора, правъ, принадлежавшихъ (хотя по мнѣнію Рима незаконно), константинопольской каедрѣ. И вотъ титулъ этотъ былъ оставленъ, Гумбертъ возведенъ въ кардиналы, сдѣланъ епископомъ Сильвы Кандиды и нѣтъ ни малѣйшаго намека, чтобы титулъ сицилійскаго архіепископа присвоенъ былъ кому-нибудь другому. Въ первый разъ въ новомъ своемъ званіи Гумбертъ выступаетъ во время вышеупомянутаго посольства его въ Беневентъ въ апрѣлѣ 1051 г. Самый фактъ отказа отъ притязаній на Сицилію въ формѣ, могшей оскорбить Византію, долженъ уже говорить за то, что при папскомъ дворѣ возбуждены были надежды на Византію и на выгоды, какія римскій престолъ можетъ извлечь изъ сношеній съ нею. Надежды были небезосновательны. За мѣсяць предъ тѣмъ, какъ Гумбертъ выступилъ въ званіи кардинала епископа Сильвы Кандиды, именно въ мартѣ 1051 г., прібылъ въ Баръ новый дукъ сицилійскій Аргиръ, отъ котораго папа имѣлъ основаніе ожидать большихъ услугъ.

Н. Скабелановичъ.

Окончаніе слѣдуетъ)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Скабаланович

Разделение церквей при патриархе
Михаиле Келлуларие

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1885. № 1-2. С. 95-145.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010*

Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Аргиръ Мелитъ принадлежалъ къ барійской знати, онъ былъ сынъ того Мела, который при Василии Болгаробойцѣ, въ союзѣ съ норманнами, поднялъ оружіе противъ Византіи, потерпѣлъ неудачу, бѣжалъ ко двору германскаго императора и тамъ умеръ 1019 г. Когда предпріятіе Мела не удалось, враждебная ему партія въ Барѣ захватила его жену Маралиду съ сыномъ Аргиромъ и препроводила обоихъ въ Константинополь, къ императору ²⁾. Это было около 1020 г. Затѣмъ въ теченіи двадцати лѣтъ объ Аргирѣ ничего не знаемъ. Въ томъ самомъ году, когда въ Византіи составленъ былъ заговоръ Керуларія, своевременно открытый, благодаря доносу неизвѣстныхъ личностей изъ партіи заговорщиковъ, въ 1040 г., и именно въ маѣ, Аргиръ оказывается въ Барѣ и дѣйствуетъ противъ барійскихъ заговорщиковъ ³⁾. Было бы слишкомъ смѣло устанавливать связь между заговоромъ въ Константинополѣ и въ Барѣ, равно какъ между обнаруженіемъ константинопольскаго заговора и освобожденіемъ Аргира, содержавшагося въ Византіи подъ надзоромъ правительства; необходимо однакожъ констатировать фактъ, что впоследствии между Керуларіемъ и Аргиромъ существовали враждебныя отношенія. Съ 1040 г. Аргиръ играетъ вліятельную роль въ Барѣ. Какъ велико было его вліяніе, видно уже изъ того, что въ февралѣ

¹⁾ См. 11—12 кн. Христ. Чтенія за 1884 г.

²⁾ Leo Ost. 652.

³⁾ Ann. Bar. 54. Lup. 58. Anon. Bar. 324.

1042 г. норманны избрали его своимъ вождемъ, а въ августѣ того же года Мономахъ, угрожаемый Маніакомъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы привлечь Аргира на свою сторону, въ чемъ и успѣлъ. Въ 1045 г. или нач. 1046 Аргиръ былъ вызванъ въ Византію для совѣщанія о дѣлахъ Италіи, адмираль византійскій Хагъ посадилъ его и его свиту на корабль и отвезъ въ столицу. Совѣщаніе продолжалось довольно долго; не менѣе пяти лѣтъ прошло прежде, чѣмъ выработаны были, по указаніямъ Аргира, планъ дѣйствій въ Италіи и самъ Аргиръ посланъ былъ привести его въ исполненіе. Такое замедленіе очень просто объясняется тѣмъ, что предложенія Аргира шли въ разрѣзъ съ мнѣніями господствовавшей тогда партіи, въ главѣ которой стоялъ первый министръ Лихудъ и въ рядахъ которой находился тогдашній патріархъ Михайлъ Керулларій. Что Аргиръ расходился во мнѣніяхъ съ этими двумя выдающимися дѣятелями времени Мономаха, имѣемъ довольно ясныя указанія: разногласіе его съ Лихудомъ обнаружилось въ время осады Константинополя Львомъ Торникомъ 1047 г. когда Лихудъ и Аргиръ подавали противоположные совѣты и первый взялъ перевѣсъ надъ послѣднимъ, (что ясно свидѣтельствуетъ о силѣ партіи Лихуда). Правда, разногласіе возникло тогда по частному вопросу, касалось обороны города, но что между ними существовалъ антагонизмъ по кореннымъ вопросамъ политики, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Аргиръ вступаетъ въ отправленіе обязанностей дуки италійскаго съ того момента, какъ вліяніе Лихуда начинаетъ падать, въ должности дуки Аргиръ оставался все время пока Лихудъ находился въ удаленіи отъ дѣлъ, а какъ только Лихудъ опять занялъ постъ перваго министра, Аргиру дана была отставка (1058). Объ антагонизмѣ между Керулларіемъ и Аргиромъ указанія не менѣе ясны. Въ 1054 г. Керулларій писалъ Петру антиохійскому, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, какія онъ имѣетъ, Аргиръ никогда не забывалъ ни своей вѣры, ни своего двуличія, всегда держался взглядовъ враждебныхъ государству, во время пребыва-

нія своего въ Константинополѣ говорилъ ему, патриарху, совершенно тоже, что потомъ изложилъ папа въ своемъ письмѣ, въ особенности на счетъ опрѣсноковъ, за приверженность къ которымъ и былъ раза три-четыре отлучаемъ отъ общенія въ таинствѣ евхаристіи ¹⁾. Въ данномъ случаѣ для насъ не имѣетъ большой важности, поступалъ ли Аргиръ прямодушно, или кривилъ совѣстію, желалъ ли онъ добра Византіи, или подъ личиною благожеланія преслѣдовалъ своекорыстныя цѣли, важно то, что Керуларій называетъ его намѣренія враждебными византійскому государству, слѣдовательно Керуларій не раздѣлялъ его взглядовъ, считая ихъ противными государственной пользѣ, важна еще для выясненія сущности взглядовъ Аргира та черта, что онъ держался обрядовъ римской церкви, былъ единомысленъ съ папой и, весьма естественно, защищалъ интересы римскаго престола. Въ 1051 г. Аргиръ возведенъ былъ въ чинъ магистра, сдѣланъ дукой италійскимъ и въ Мартѣ прибылъ въ Баръ, къ мѣсту своего назначенія, снабженный деньгами и инструкціями.

Назначеніе Аргира съ перваго взгляда можетъ указывать на переворотъ въ правящихъ сферахъ, на смѣщеніе Лихуда съ должности перваго магистра и замѣну его другимъ. Но принимая во вниманіе съ одной стороны свидѣтельство историка ²⁾, что рѣшительное измѣненіе политики Мономаха произошло въ послѣдніе два года его царствованія (1053—1054), съ другой что выполнение самой пекотливой части инструкціи данной Аргиру, начало сношеній его съ папой можетъ быть приурочено не ранѣе какъ къ 1052—1053 г., именно ко времени предшествовавшему столбовенію папы съ норманнами при Чивителлѣ, мы можемъ сдѣлать

¹⁾ Migne 784. 788. Will 175. 177: οὐδέποτε τῆς οἰκείας ἐπιτελησμένους θρησκείας καὶ διπλῆς ἀλλ' αἰεὶ τάναντία κατὰ τῆς βασιλείδος καὶ τῆς Ῥομανίας φρονῶν. . . ἐκεῖνα γὰρ (γράμματα) καὶ ἐδήλουν ἀπαρἀλλάχτως, ἅπερ ἐν τῇ μεγαλοπόλει ὁ Ἀργυρὸς ἐνδημῶν πρὸς τὴν ἡμετέραν πολλάκις ἔλεγε μετριότητα· μάλιστα δὲ περὶ τῶν ἀζύμων.

²⁾ Attal., 50.

выводъ, что назначеніе Аргири на должность дуки было только признакомъ ослабленія вліянія Лихуда, но не окончательнаго удаленія его отъ управленія. Съ 1051 г. партія Іоанна Логоета, въ которой принадлежалъ Аргиръ, стала уже подрывать силу Лихуда, но окончательно она восторжествовала въ 1052 г.; въ концѣ 1052 или въ началѣ 1053 Лихудъ былъ устраненъ, Іоаннъ логоетъ занялъ мѣсто перваго министра.

Какова же была правительственная программа новой партіи вступившей во власть? Программа была незамысловата. Точкой отправления для нея служилъ турецкій вопросъ, которому суждено было играть роль въ дѣлѣ церковнаго раздѣленія не меньшую, чѣмъ онъ игралъ въ позднѣйшихъ попыткахъ соединенія. Турки дѣлали быстрые успѣхи на востоцѣ, отторгали одинъ за другимъ города и области, принадлежавшіе Византійской имперіи. Партія Іоанна логоета написала на своемъ знамени девизъ—борьбу съ турками во что бы то ни стало, принесеніе этой борьбѣ въ жертву всѣхъ другихъ интересовъ государства; партія Лихуда соглашалась съ необходимостію борьбы, но не хотѣла жертвовать ей интересами народа и честью государства. Съ 1053 опасность со стороны турокъ усилилась, самъ турецкій султанъ Тогрутъ-бегъ двинулся во главѣ своей орды на имперію; наступилъ кризисъ, когда спасенія можно было ждать только отъ теоріи Іоанна логоета. Теорія эта восторжествовала, Лихудъ сошелъ со сцены. Средства для борьбы съ турками партія Іоанна логоета искала внутри имперіи и внѣ ея, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ она ни предъ чѣмъ не задумывалась. Поиски внутри имперіи направлены были къ тому, чтобы добыть какъ можно болѣе денегъ и чрезъ то получить въ руки важнѣйшій нервъ необходимый во всѣхъ предпріятіяхъ, а тѣмъ болѣе въ военныхъ. Погоня за деньгами, не разбирая средствъ, отразилась нарушеніемъ имущественныхъ правъ частныхъ лицъ и церкви, начались секвестры и до секуляризаціи не дошло лишь потому, что этому помѣшала смерть Мономаха. Поиски въ иностранныхъ государствахъ имѣли цѣлью пріобрѣтеніе

союзниковъ, заключеніе дружественныхъ договоровъ, съ помощію которыхъ можно было или увеличить военныя силы, необходимыя для борьбы съ турками, или обезопасить окраины отъ вѣшнихъ нападѣній, и такимъ образомъ получить возможность не развлекаться по сторонамъ, но сосредоточиться на одномъ пунктѣ—борьбѣ съ турками въ Азіи. Разными щекотливостями, въ родѣ національной гордости, государственной чести, рѣшено было пренебречь, всевозможныя уступки сдѣлать, только бы цѣль была достигнута. Какой тонъ усвоенъ былъ при этомъ византійскимъ правительствомъ, лучше всего показываетъ переписка съ египетскимъ халифомъ, о характерѣ которой сообщаетъ Пселлъ, несшій обязанности протоаскрита и составлявшій письма отъ имени царя. Мономахъ, слѣдуя, понятно, указаніямъ своихъ совѣтниковъ, требовалъ, чтобы письма написаны были тономъ покорнымъ, смиреннымъ и когда Пселлъ изъ чувства патриотизма, какъ самъ говоритъ, а можетъ быть изъ политической тенденціи, какъ можно догадываться, зная о принадлежности его къ партіи Лихуда, хотѣлъ сгладить приниженность, просвѣчивавшую въ письмахъ, тогда Мономахъ начиналъ самъ диктовать, не полагаясь на протоаскрита ¹⁾). Здѣсь рѣчь идетъ не о тѣхъ переговорахъ, которые ведены были до 1048 г. по предмету окончанія построекъ іерусалимскаго храма, но о тѣхъ ²⁾ въ связи съ которыми находилась присылка изъ Египта въ подарокъ Мономаху слона, возбудившаго всеобщее удивленіе необычайною величиной, и жирафа и которые, судя по мѣсту, какое занимаетъ фактъ присылки слона и жирафа у историковъ ³⁾, происходили въ 1052—1053 г. Искаательностію проникнуты были и сношенія византійскаго двора съ Генрихомъ III германскимъ. Византійское правительство зная, что у Генриха III огромнымъ вліяніемъ пользуется Адалбертъ архіепископъ Гамбургскій, старалось подкупить послѣдняго дестью и тѣмъ склонить его поддер-

¹⁾ Psell. IV, 193—194.

²⁾ Psell. V, 113—114.

³⁾ Attal. 48—49. Cedr. II, 607 (Glyc. 597).

жать предложеніе византійскихъ пословъ. Послы принесли германскому императору подарки и поздравляли его со счастіемъ имѣть такого мудраго и опытнаго совѣтника, какъ архіепископъ Адальбертъ ¹⁾. Это посольство отправлено было никакъ не ранѣе 1052 или даже 1053 г., потому что отвѣтъ германскаго императора не могъ замедлить на долгое время, между тѣмъ когда прибылъ въ Константинополь Оттонъ, епископъ Навары, съ письмомъ къ Мономаху, въ которомъ Генрихъ заявлялъ о своей прирожденной связи съ византійскимъ императорскимъ домомъ, въ силу происхожденія отъ греческой принцессы Теофано, супруги Оттона, тогда на византійскомъ престолѣ сидѣлъ уже не Мономахъ, но Θεодора (1055 г.), которая на другой годъ по прибытіи изъ Германіи посла (1056) отпустила его обратно, присоединивъ къ нему и собственныхъ пословъ къ Генриху съ просьбой о мирѣ ²⁾. Не излишнимъ при этомъ отмѣтить, что до самой смерти Мономаха въ Константинополь не было получено удовлетворительнаго отвѣта на посольство къ германскому императору и заправителямъ византійской политики естественно было искать способовъ, чтобы подѣйствовать на германскій дворъ. Византійское правительство не прочь было и норманновъ превратить изъ враговъ въ союзниковъ. Аргирю даны были деньги съ тѣмъ, чтобы онъ нанялъ норманновъ, дѣйствовавшихъ въ Италіи противъ грековъ, на службу византійскому императору и направилъ ихъ моремъ на востокъ для борьбы съ турками; если же они, не смотря на свою жадность, не сдадутся на эту приманку, то употребить деньги на снаряженіе войска и иные способы борьбы съ норманнами. Разсчетъ казался Византіи весьма умнымъ, потому что сразу достигалось двѣ цѣли: пріобрѣталось наемное войско для борьбы съ турками и итальянскія владѣнія Византіи освобождались отъ опасныхъ враговъ. Но визан-

---

¹⁾ Adami, 347: Transmissis ad nostrum caesarem muneribus, congratulati sunt archiepiscopo pro sapientia et fide ejus rebusque bene gestis ejus consilios

²⁾ Herm. Contr. Continuatio, 265. Ann. August. 127.

тѣмъ много понадѣялись на простоватость норманновъ и на ихъ страсть къ золоту. Какъ ни безхитростны были норманны, сравнительно съ лукавыми греками, но настолько хватило у нихъ соображенія, чтобы понять смыслъ предложенія и оцѣнить выгоду его для однихъ лишь грековъ. Поэтому они хотя съ сожалѣніемъ однакожь отказались отъ византійскаго золота и объявили Аргиру, что оставляютъ Апулію лишь въ томъ случаѣ, если ихъ выгонятъ силою ¹⁾. Враги Аргира въ Византіи говорили, что полученныя отъ императора деньги онъ истратилъ на собственныя нужды и на сооруженіе себѣ замковъ ²⁾. Но это было напрасное обвиненіе: деньги могли сослужить свою службу въ томъ заговорѣ, который скоро потомъ составленъ былъ въ Апуліи, стоилъ жизни Дрогому и многимъ норманнамъ ³⁾, равно какъ могли они пойти и на снаряженіе войска, съ которымъ Аргиръ неудачно пытался (въ 1052 или началѣ 1053 г.) одолѣть норманновъ и былъ разбитъ ими при Сипонтѣ ⁴⁾. Искало византійское правительство союза и у римскаго папы. Союзъ съ папой важенъ былъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ въ виду совокупныхъ дѣйствій противъ норманновъ, во-вторыхъ для успѣшнѣйшаго заключенія мира съ Генрихомъ германскимъ. Норманны по причинѣ нападенія на папскія владѣнія и церковныя земли были такими же врагами римскаго папы, какъ и византійскаго императора. Папа и императоръ дѣлались въ этомъ случаѣ естественными союзниками, никакихъ особенныхъ заботъ для ихъ сближенія ни съ той, ни съ другой стороны не требовалось. Но вопросъ о посредничествѣ папы для заключенія союза между германскимъ и византійскимъ дворомъ приходилъ какъ элементъ сверхдолжный, по отношенію къ которому папа приглашался на службу Византіи и могъ требовать себѣ за

¹⁾ Guil. Apul. 254.

²⁾ Migne CXX. 784. Will. 175: περί σίχλειων διαπονοούμενος κάστρων οικοδομὰς καὶ τὴν περί αὐτῶν ἐπιμέλειαν.

³⁾ Malat. 553 (An. Vat. 752).

⁴⁾ Anon. Bar. 330: *индиктіона патаго*.

то награды. На этомъ именно пунктѣ и встрѣтились политическія интересы Византіи съ церковными интересами Рима, съ одной стороны надежды на союзъ съ западной Европой, съ другой надежды на возвращеніе патримоній римскому престолу въ Апуліи, Калабріи и, можетъ быть, Сициліи. Партія логогета Іоанна, впоследствии незадумавшаяся во внутренней политикѣ сдѣлать нападеніе на церковь, съ цѣлю увеличенія финансовыхъ ресурсовъ, не стѣснилась и въ политикѣ вѣшной пожертвовать интересами константинопольской каѳедры ради приобрѣтенія политическихъ союзниковъ.

Съ самаго прибытія Аргира въ Баръ и вступленія въ отправленіе обязанностей дуки италійскаго, у папы Льва IX и его приближенныхъ, знавшихъ о возрѣніяхъ Аргира политическихъ и религіозныхъ, могли явиться надежды на выгоды, которыя легко извлечь изъ этого обстоятельства для римскаго престола. Но, какъ уже замѣчено, пока не сошелъ со сцены Лихудъ, рѣшительнаго шага не было сдѣлано. Первое извѣстіе о переговорахъ между уполномоченнымъ византійскаго правительства, Аргиромъ и папой Львомъ поставлена у Вильгельма апулійскаго и у беневентскаго анналиста въ такой связи, изъ которой нельзя вывести заключенія, чтобы переговоры начаты были ранѣе конца 1052 г., всего же вѣрнѣе въ 1053 г. Вильгельмъ апул. рассказываетъ, что апулійцы стали приносить папѣ Льву IX жалобы на галловъ, т. е. норманновъ. Прислалъ также посольство Аргиръ, сообщая свѣдѣнія вѣрныя на половину съ ложными (*veris commiscens fallacia nuncia mittit*), просилъ папу придти въ Италію, освободить ее и удалить нечестивый народъ, угнетающій Апулію. Въ то время Дрогонь (норманскій графъ) и Ваймаръ (салернскій князь) умерли, одинъ убитъ единокровными гражданами въ Салерно, другой вѣроломными туземцами въ Монтиларо. Народъ остался безъ правителя. Папа пришелъ съ большимъ войскомъ въ сопровожденіи аллеманновъ и тевтоновъ. Затѣмъ идетъ рассказъ о томъ, какъ норманны испугались, отправили пословъ къ папѣ и предлагали поступить къ нему въ вассальныя отношенія. Но папа не согласился на

уступки, требовалъ, чтобы норманны ушли вонъ изъ Италіи. Тогда произошло сраженіе при Чивителлѣ и норманны, предводительствуемые графомъ Гумфридомъ, Рихардомъ изъ Аверсы, Робертомъ Гискардомъ и другими, разбили войско папы ¹⁾. Анналистъ беневентскій говорить короче, что въ 5-й годъ своего папствования, а въ 7-й императорствованія Генриха III, папа Левъ IX возвратился въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ Германіи въ Италію и въ мѣсяцѣ іюнѣ пришелъ въ Апулію, желая говорить съ Аргиромъ, дукой императора Константина Мономаха (*cupiens loqui cum Argiro duce imperatoris Constantini Monomachi*), но норманны неожиданно напали на его воиновъ, умертвили изъ нихъ и изъ нашихъ людей 300 человекъ ²⁾). Итакъ сношенія Аргира съ папой Львомъ происходили до сраженія при Чивителлѣ 18 іюня 1053 г. Это крайній срокъ съ одной стороны, трудно же указать такой же срокъ съ другой. Во всякомъ случаѣ и этотъ послѣдній не слишкомъ отдаленъ. Вильгельмъ говоритъ, что все происходило послѣ того, какъ убиты были Дроговъ и Ваймаръ. Первый убитъ 10 августа 1051 г.; второй 2 іюня 1052; слѣд. сношенія начаты не ранѣе мѣсяца іюня 1052 г. Анналистъ беневентскій еще болѣе суживаетъ срокъ, относя его ко времени послѣ возвращенія папы изъ Германіи въ мѣсяцѣ сентябрѣ. Итакъ сношенія должны были происходить между сентябремъ 1052 г. и іюнемъ 1053, въ промежуткѣ девяти мѣсяцевъ. Объединяя свидѣтельство Вильгельма съ свидѣтельствомъ беневентскаго анналиста, мы должны вывести заключеніе, что сначала Аргиръ отправилъ къ папѣ пословъ съ какими-то сообщеніями, затѣмъ папа намѣренъ былъ лично объясниться съ Аргиромъ, но былъ разбитъ норманнами (при чемъ не ясно, состоялось-ли предъ тѣмъ свиданіе или нѣтъ). Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы, получивъ отъ Аргира важныя сообщенія, папа медлилъ личнымъ съ нимъ свиданіемъ, кото-

¹⁾ Guil. ap. 255—258.

²⁾ Annal. Beneu. 179—180.

рое по его мѣнью было необходимо, а на свиданіе онъ отправился въ мѣсяцъ іюнь, то и сношеніе между ними черезъ третьихъ лицъ съ большею вѣроятностію можетъ быть относимо къ 1053 г., чѣмъ къ 1052.

Относительно содержанія переговоровъ Вильгельмъ знаетъ только, что Аргірь просилъ папу прибыть для освобожденія Апуліи отъ норманновъ, никакихъ другихъ подробностей ему неизвѣстно. Они неизвѣстны и другимъ западнымъ историкамъ, небезынтересна однакожъ та частность, что посольство Аргіра къ папѣ поставлено въ тѣснѣйшую связь съ жалобами апулійцевъ на норманновъ. Выясняя эту послѣднюю сторону дѣла, мы можемъ указать на свидѣтельство Малатерры о томъ, что вѣроломные апулійцы послѣ неудачнаго заговора, окончившагося умерщвленіемъ Дрогона и многихъ другихъ норманновъ и мстью со стороны оставшихся въ живыхъ, отправили тайное посольство къ папѣ Льву IX и приглашали его въ Апулію, говоря, что страна принадлежала нѣкогда римскому престолу, и если папа освободитъ отъ норманновъ, то вѣзю получить ее подъ свою власть; при этомъ прибавляли, что норманны уже обезсилены, число ихъ не велико, и они, апулійцы съ своей стороны помогутъ истребить ихъ ¹⁾). Малатерра совершенно умалчиваетъ о сношеніяхъ Аргіра съ папой, но такъ какъ сношенія этого послѣдняго находились въ связи съ сношеніями апулійцевъ, то можно думать, что историкъ объединилъ оба факта въ одномъ. Если такъ, то обѣщаніе подчиненія папскому престолу Апуліи, исходившее отъ апулійцевъ, должно быть распространено и на Аргіра. Но тутъ возникаетъ недоумѣніе: въ устахъ представителя Византіи обѣщаніе въ той формѣ, какъ оно изложено у Малатерры, идетъ слишкомъ далеко, сопровождается отреченіемъ Византіи отъ собственныхъ правъ на Апулію, равнымъ образомъ и въ устахъ апулійцевъ оно слишкомъ смѣло, такъ какъ для того, чтобы отдать Апулію другому государю, мало было изгнать нор-

¹⁾ Malat. 553.

манновъ, нужно было удалить и грековъ. Очевидно, свѣденіе Малатерры не точно, въ основѣ его можетъ лежать фактъ вѣрный, но въ передачѣ историка искаженный. Тѣмъ не менѣе и это свѣдѣніе на одинъ шагъ приближаетъ насъ къ истинѣ. Полное разъясненіе дѣла, можетъ быть, дало бы намъ письмо императора Маномаха къ папѣ Льву IX, отправленное послѣ сраженія при Чивителлѣ, но, къ сожалѣнію, это письмо до насъ не сохранилось. Приходится ограничиться ссылками на содержаніе этого письма, сдѣланными въ отвѣтномъ письмѣ папы Льва IX, которое привезли съ собою въ Константинополь папскіе легаты въ 1054 г. Впрочемъ и данныхъ, заключающихся въ этомъ послѣднемъ, достаточно. Одна часть этихъ данныхъ имѣетъ отношеніе ко времени предшествовавшему сраженію при Чивителлѣ, другая къ послѣдующему. Здѣсь отмѣтимъ данныя первого рода. Въ началѣ письма папа говоритъ, что онъ не знаетъ какъ возблагодарить Творца и Управителя всяческихъ, святую и нераздѣльную Троицу, за то благо, которое дано въ лицѣ императора, надѣленнаго такимъ благочестіемъ и возбуждающаго такія надежды на возстановленіе святой католической церкви и улучшеніе государства. „Ты, говоритъ папа, послѣ такъ долгихъ и губительныхъ разногласій первый являешься поощрителемъ, носителемъ и желаннымъ исполнителемъ (*monitor, portitor et exoptatus exactor*) мира и согласія... Какъ благочестивый и превосходный сынъ, не забываешь мукъ твоей матери, считаешь нужнымъ не пренебрегать ею, но почитать и возвратиться въ ея любвеобильныя объятія“. О себѣ папа пишетъ, что онъ старается выполнить лежащія на немъ, какъ на мѣстникѣ апостольскаго престола, обязанности. По этому видя, что невѣжественный и чуждый народъ съ неслыханною и невѣроятною хищностью и болѣе чѣмъ языческимъ нечестіемъ возстаетъ противъ церквей Божіихъ, умерщвляетъ христіанъ, а нѣкоторыхъ подвергаетъ новымъ, ужаснымъ мученіямъ, не щадитъ ни дѣтей, ни стариковъ, ни женщинъ, не дѣлаетъ различія между священнымъ и мірскимъ, грабитъ, сожигаетъ и разрушаетъ святыя церкви, —

видя все это, много разъ обличалъ, вразумлялъ, внушалъ благо- временно и безвременно, но вслѣдствіе его окамененія и упорства во злѣ, даже каждодневнаго прибавленія все большаго зла, рѣ- шился обратиться къ человѣческимъ средствамъ защиты. „Итакъ собравъ дружину, каковую позволяла краткость времени и нужда, я постановилъ слѣдовать совѣту полученному въ разговорѣ съ сіятель- нымъ дукой и магистромъ Аргиромъ, твоимъ вѣрноподаннымъ (*glorissi ducis et magistri Argyroi fidelissimi tui colloquium et consilium expetendum sensui*), не потому чтобы я желалъ по- гибели и смерти какого-нибудь норманна или другаго человѣка, но чтобы съ помощію человѣческаго страха приобрѣсть тѣхъ, ко- торые не страшатся божественнаго суда. Между тѣмъ какъ мы старались спасительнымъ убѣжденіемъ сломить ихъ упорство и они въ свою очередь притворно обѣщали всякую покорность, вдругъ они напали на нашу дружину, — впрочемъ болѣе скорбятъ теперь о своей побѣдѣ, чѣмъ радуются“. Затѣмъ папа говорить о своихъ надеждахъ на императоровъ Генриха и Мономаха, которые подавъ другъ другу руки, изгонять враждебный народъ, помогутъ поднять церковь и государство, и заявляютъ, что при томъ печальномъ состояніи церкви, въ какое она приведена наемниками, долгое время занимавшими апостольскую кафедру, бремя возложенное про- видѣніемъ на его слабыя плечи дѣлается легче отъ одной мысли, что по ту и по другую сторону (*ex utroque latere*) стоятъ сыны (*filii*) столь славные благочестіемъ и могуществомъ. „Поэтому, преданнѣйшій сынъ и славнѣйшій императоръ, увѣщаетъ папа, содѣйствуя намъ къ восстановленію матери твоей святой церкви, къ возвращенію ея привилегій, достоинства, чести, равно какъ и патримоній лежащихъ въ предѣлахъ твоего владѣнія (*et privilegia dignitatis atque reverentiae ejus nec non patrimonia rescure- ganda in tuae dititionis partibus*), руководствуясь тѣмъ, что напи- сано и сдѣлано честнѣйшими предшественниками, нашими или тво- ими. Ты по крови, по имени и по власти великій преемникъ ве- ликаго Константина, будь же подражателемъ его преданности

апостольскому престолу и что этот удивительный мужъ, вслѣдъ за Христомъ, далъ, утвердилъ и оградилъ этому престолу, ты, оправдывая этимологию своего имени (Constantinus), съ твердостью (constanter) помощи опять получить, удержать и охранить (adjura recuperare, retinere et defendere). Это же старается сдѣлать въ своихъ владѣнiяхъ и славнѣйшій сынъ нашъ Генрихъ. Все это и намъ, и вамъ принесетъ большую пользу, коль скоро по милости Божией, заступничествомъ блаженнѣйшихъ верховныхъ апостоловъ и при моемъ, намѣстника ихъ, посредничествѣ и старанiи (me qualicumque vicario eorum mediante et obtinente), заключенъ будетъ между вами обоими неразрывный союзъ мира и дружбы“¹⁾. Письмо папы подтверждаетъ и восполняетъ свидѣтельства Вильгельма и анналиста беневентскаго. Инициатива шла отъ Византiи— Мономахъ первый явился поощрителемъ мира и согласiя, это согласуется съ извѣстiемъ о посольствѣ, отправленномъ Аргиромъ къ папѣ Льву IX. Затѣмъ предположено было свиданiе папы съ Аргиромъ и этотъ пунктъ, неясный у лѣтописца, восполняется въ томъ смыслѣ, что свиданiе состоялось и на немъ поданъ былъ Аргиромъ совѣтъ сразиться съ норманнами. Но Мономахъ былъ не только поощрителемъ и носителемъ мира, а также восполнителемъ, и притомъ желаннымъ, по мысли папы. Это указываетъ на содержанiе переговоровъ, которые отъ имени императора велъ Аргиръ. Въ какомъ смыслѣ они были желанны для папскаго престола, указано ясно, дѣло шло о возвращенiи папскому престолу патримонiй и привилегiй, въ предѣлахъ итальянскихъ владѣнiй Византiи, о возвращенiи византiйскаго императора по отношенiю къ этимъ владѣнiямъ въ объятiя римской церкви, или другими словами въ передачѣ папѣ вмѣстѣ съ патримонiями вообще iерархической власти надъ италiйской оемой. Что рѣчь идетъ только объ итальянскихъ владѣнiяхъ, на это указываетъ ссылка на подложную донатию Константина Вел., а также нарисованная картина совокупнаго дѣй-

¹⁾ Migne CXLIII, 777—780. WIII. 85—88.

ствования на пользу церкви и государства, при которомъ поддерживать папу съ одной стороны, на сѣверѣ будетъ императоръ, Генрихъ, а съ другой, на югѣ императоръ Константинъ Мономахъ. Папа убѣждаетъ Мономаха содѣйствовать возстановленію церкви, возвращенію патримоній и привиллегій, не требуетъ, но лишь проситъ осуществить въ будущемъ то, что уже осуществляетъ императоръ Генрихъ. Такая форма обращенія свидѣтельствуетъ, что формальнаго договора между папой и византійскимъ императоромъ не было еще заключено, на подобіе договора съ германскимъ императоромъ заключеннаго въ 1052 г. ¹⁾; все дѣло ограничивалось пока обѣщаніями, которыя могли послужить основаніемъ и для извращеннаго извѣстія Малатерры, которое требуетъ поправки въ томъ смыслѣ, что папѣ обѣщана была власть не политическая, но церковная, и возвращеніе въ вѣдѣніе папы не всей территоріи, составлявшей Апулію, якобы принадлежавшей нѣкогда римскому престолу, но лишь патримоній. Заключеніе формальнаго договора и выполненіе обѣщаній о возвращеніи патримоній и возстановленіи привиллегій поставлены были въ связь съ заключеніемъ при посредствѣ папы союза между германскимъ и византійскимъ дворами, — вотъ почему папа ожидаетъ пользы отъ новаго порядка вещей лишь послѣ того, какъ состоится союзъ. До союза между Византіей и Германіей при жизни Мономаха не дошло, естественно поэтому, что и обѣщанія данныя папѣ не были осуществлены, официально не были признаны. Да если бы союзъ и былъ заключенъ; то еще вопросъ, насколько честно византійское правительство исполнило бы свои обѣщанія относительно папы. Примѣръ договора съ эмиромъ Тевина, какъ и вообще исторія съ Аніемъ, достаточно убѣждаютъ, что принципъ византійской политики при Мономахѣ, даже тогда когда во главѣ управленія стоялъ Лихудъ болѣе совѣтливый министр, чѣмъ договѣетъ Іоаннъ, не отличались честностью.

¹⁾ Gfrörer, Gregor. VII, VI, 676—681. Объ обмѣнѣ Беневента на Бамбергъ.

Содержаніе переговоровъ византійскаго двора съ папой, составляя государственную тайну, было извѣстно руководителямъ византійской политики, изъ партіи Іоанна; едва ли о немъ знали приверженцы противной партіи, въ томъ числѣ и патріархъ Керуларій. Но осенью 1053 г. случилось обстоятельство, давшее возможность Керуларію проникнуть въ тайну. Послѣ сраженія при Чивителлѣ 18 іюня кончившагося пораженіемъ папы, послѣдній былъ взятъ норманнами и отведенъ въ Беневентъ. Проходили мѣсяцы, а папа оставался въ Беневентѣ (пребывалъ здѣсь до 12 марта 1054 г.), находясь подъ почтительнымъ надзоромъ норманскихъ графовъ. Положеніе вещей дѣлалось серьезно, грозила опасность, чтобы норманны не воспользовались папой для своихъ цѣлей и чтобы онъ не послужилъ въ ихъ рукахъ такимъ же орудіемъ для борьбы съ греками, какимъ обѣщаль послужить въ рукахъ грековъ для борьбы съ норманнами. Нужны были экстренныя мѣры, чтобы поддержать его стойкость и Аргіръ, понапрасну прождавши нѣсколько мѣсяцевъ окончанія беневентскаго заточенія, обратился въ Византію за инструкціями. Послѣ 1 сентября 1053, онъ отправилъ въ Византію транійскаго епископа ¹⁾). Аргіру всего естественнѣе было послать въ Константинополь того, кто уже ѣздилъ отъ него посломъ къ папѣ, чтобы безъ нужды не посвящать лишнихъ людей въ тайну сношеній съ папскимъ дворомъ. Но если даже устранить предположеніе, что транійскій епископъ исправлялъ обязанности посла Аргіра къ папѣ Льву IX, все таки необходимо предположить, что ему, при отъѣздѣ въ Константинополь, сообщено было все касавшееся папы и сношеній съ нимъ. Епископъ транійскій оказался не сдержанъ на языкъ и въ бытность въ Константинополь разсказалъ все Керуларію, самъ Керуларій въ 1054 г. писалъ Петру антиохійскому, что синьеллѣ, архіепископу города Трани, бывшій въ столицѣ раньше папскихъ

¹⁾ Анон. Вар. 330, сказавши подъ 1052 г., инд. 5, о пораженіи папы норманнами при Чивителлѣ, говорятъ далѣе подъ 1053 г., инд. 6: Argiro direxit pso episc. Tranense Constantinopoli messatico

легатовъ, разоблачилъ предъ нимъ всю истину на счетъ папы и на счетъ Аргира ¹⁾). Такимъ образомъ Керулларій узналъ о сношеніяхъ правительства съ папой, объ обѣщаніяхъ данныхъ папѣ, и объ опасности угрожающей константинопольской каедрѣ. Опасность пока была не велика, патріархъ зналъ, что правительство умѣетъ давать обѣщанія безъ намѣренія исполнить ихъ. Но зналъ также, что въ случаѣ стѣснительныхъ обстоятельствъ можетъ дойти до исполненія обѣщаній, до возвращенія папѣ патримоній, возстановленія его власти надъ Апуліей, Калабріей и Сициліей. Успѣхъ въ этомъ отношеніи могъ разогрѣть старыя притязанія римскаго престола на болгарскую архіепископію, а поелику, какъ показали опыты, вопросъ объ епархіяхъ шель всегда рука объ руку съ вопросомъ о преимуществахъ римской каедры вообще, то не трудно было ждать возобновленія притязаній папы вообще на власть и на подчиненіе востока. Уступка въ маломъ могла окончиться большою потерей. Керулларій считалъ себя обязаннымъ принять мѣры, чтобы отвратить опасность въ началѣ и сдѣлать невозможнымъ исполненіе данныхъ папѣ обѣщаній. Официально ему ничего не было извѣстно и официально онъ протестовать не могъ. Онъ избралъ другой, косвенный путь и вотъ по возвращеніи епископа транійскаго къ мѣсту служенія всплываетъ наружу адресованное на его имя посланіе Льва охридскаго. Посланіе пишетъ іерархъ той каедры, которой вслѣдъ за Апуліей и Калабріей прежде всего могла грозить опасность отъ папскихъ притязаній, архіепископъ Болгаріи, пишетъ къ одному изъ іерарховъ той области, Апуліи, надъ которою опасность уже висѣла. Первымъ условіемъ дѣйствительности мѣры было то, чтобы посланіе не было положено подъ спудъ, а какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе распространено,— и вотъ оно адресуется тому же лицу, епископу транійскому, который своими разоблаченіями и вызвалъ его появленіе на свѣтъ, съ

¹⁾ Migne СХХ, 788. Will, 178: φανερώτερον δὲ τὸ τριούτον ἠλέγχθη δράμα καὶ διὰ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Τράνας καὶ συγγελλόν ἐκείθεν πρὸς τοῦτων (т. е. легатовъ) ὡς πρὸς ἡμᾶς ἀφιγμένον καὶ τὴν ἀλήθειαν πᾶσαν διασαφίσαντος.

которымъ, по всей вѣроятности, все было напередъ условлено, въ бытность его въ Константинополь, и взято должное обѣщаніе, даже предположеніе, что Іоаннъ транійскій привезъ съ собою посланіе изъ Константинополя или изъ Охриды, чрезъ которую онъ могъ проѣзжать по дорогѣ въ Диррахій, а изъ Диррахія въ Трани, не было бы чудовищнымъ, потому что посланіе ни по объему, ни по содержанію, не представляетъ литературной работы, которой нельзя было бы выполнить въ одинъ день. Главное содержаніе посланія, вопросъ объ опрѣсновахъ—оружіе довольно легкое, но при данныхъ обстоятельствахъ, пока опасность была не велика, достаточно; можно было выдвинуть оружіе болѣе тяжелое, но оно оставлено въ запасъ на случай болѣе серьезной опасности. Керулларій хорошо зналъ, думаемъ—небезызвѣстно это было и Льву охридскому, что спасеніе не въ опрѣсновахъ и не въ квасномъ хлѣбѣ, но важно было показать, что правительство, отнявши епархію отъ константинопольской каедръ и отдавъ ее римскому папѣ, совершить смертный грѣхъ, отероеть торжество латинскому обычаю надъ греческимъ, заблужденію надъ истиной, ложной вѣрѣ надъ правою, а чтобы это показать, нужно было объявить опрѣсноки отступленіемъ отъ православной вѣры, что въ посланіи и сдѣлано. Словомъ посланіе имѣло важность не само по себѣ, а по внутренней тенденціи, значеніе его заключалось не въ томъ, что оно траговало объ опрѣсновахъ, а въ томъ, что въ основѣ его скрывался протестъ съ одной стороны противъ византійскаго правительства и его намѣреній, съ другой противъ папства и какого бы то ни было предпочтенія римской каедръ каедрѣ константинопольской, будетъ-ли то возвращеніе натримоній и енархій, въ ущербъ наличнымъ правамъ константинопольскаго патріарха, или же, что еще важнѣе, признаніе за римскимъ престоломъ преимуществъ власти сравнительно съ константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ. Чтобы протестъ былъ дѣйствительнѣе, патріархъ написалъ отъ себя сходное по содержанію посланіе къ Доминику град-

скому и сдѣлалъ административное распоряженіе на счетъ проживавшихъ въ Константинополь азиमितовъ.

На западѣ какъ нельзя лучше поняли дѣйствительный смыслъ посланія Льва охридскаго и отвѣчали на него по существу. Когда это посланіе прибыло въ Трани, здѣсь находился кардиналь-епископъ Гумбертъ, желавшій, надо полагать, получить отъ возвратившагося изъ Константинополя Іоанна транійскаго сообщенія относительно настроенія правящихъ сферъ въ столицѣ греческой имперіи. Іоаннъ передалъ ему посланіе, Гумбертъ перевелъ его съ греческаго на латинскій языкъ и доставилъ папѣ ¹⁾. Папа рѣшился посвятить досугъ своего беневентскаго заключенія опроверженію посланія и главные удары направилъ не столько на то, о чемъ прямо сказано было въ посланіи, сколько на то, что читалось между строкъ. Онъ совершенно основательно взглянулъ на посланіе, какъ на протестъ Керуларія противъ преимуществъ римской еаедры сравнительно съ константинопольскою вообще и въ частности противъ правъ ея на Апулію и Калабрію. Въ концѣ 1053 г. ²⁾ папа написалъ отвѣтъ на обвиненіе Михаила константинопольскаго и Льва охридскаго ³⁾, въ которомъ всѣ старанія направилъ къ тому, чтобы доказать преимущества римской еаедры. Папа излагаетъ общеизвѣстную теорію папскаго главенства ⁴⁾.

---

¹⁾ Wiberti, 296: fuisset Trani exhibita fratri Humberto, sanctae ecclesiae Silvae Candidae episcopo, in Latinum est translata ejus studio atque delata domno papae Leoni nono.

²⁾ Хронологія опредѣляется выраженіемъ: ecce jam mille ac ferme viginti a passione salvatoris nostri annos incipit. 33+1020=1053; слово *почти* указываетъ, что 1053-й годъ не вполнѣ истекъ.

³⁾ Migne CXLIII, 744—769. Will 65—85. Epistola ad Michaellem Constantinopolitanum patriarcham adversus ejus et Leonis Achridani episcopi inauditas praesumptiones et nimias vanitatis.

⁴⁾ Начинаетъ съ того, что церковь Христова основана на Петрѣ (гл. 6), а имѣя такое основаніе ограждена отъ вратъ ада, т. е. еретическихъ ученій (гл. 7); чрезъ Петра получилъ власть римскій престолъ (12), за которымъ права признавы и Константнномъ В. въ его привиллегіи папѣ Сильвестру (13—14). Затѣмъ разсужденіе идетъ о томъ, въ чемъ заключается власть данная Петру, каковы его права и на какихъ особыхъ заслугахъ опираются

Частный вопрос о правах на Апулію и Калабрію побудил его цѣликомъ почти воспроизвести подложную донацію Константина В., со включеніемъ того ея пункта по которому папѣ Сильвестру и его преемникамъ передана власть надъ городомъ Римомъ, Италіей

(15—18), съ заключеніемъ, что заблужденіе не можетъ вкрасться въ церковь имѣющую такого защитника (19) и что латиняне держащіеся ученія Петра безупречны (20); римская церковь доблестно вынесла возбуждавшіеся на нее гоненія и сохранила источникъ вѣры чистымъ (24—25), вѣра ея, какъ основанная на Петрѣ, непоколебима (32) и другого благовѣстія, хотя бы оно принесено было ангеломъ съ неба, не слѣдуетъ слушать (33). Права перешли отъ Петра къ его намѣстнику папѣ и всѣ пренебрегающіе апостольской каеедрой встаютъ противъ Бога (35). Проводя параллель между церковію римскою и константинопольскою папа находитъ, что константинопольская церковь, въ лицѣ своихъ епископовъ, была изобрѣтательницею ересей, которыя осуждены на соборахъ и преодолѣны римскою церковію (8—11), что чистота вѣры грековъ не безупречна была съ самаго начала, какъ видно изъ посланія апостола Павла къ Коринѣянамъ (21), о заблужденіяхъ грековъ свидѣтельствуетъ иконоборческій ихъ соборъ (22) и слухи, которымъ не хочется вѣрить, что въ констант. церкви евнухи получаютъ священный санъ и женщина вѣкогда занимала епископскій престолъ (23). Отношеніе, въ какомъ стоитъ церковь константинопольская къ римской, папа уподобляетъ отношеніямъ между дочерью и матерью. Что римская церковь есть мать константинопольской, доказывается употребленіемъ въ послѣдней, какъ въ официальныхъ церемоніяхъ, такъ и въ церковной практикѣ латинскихъ славословій и изреченій (23), дочь—церковь константинопольская—должна быть почитательною къ своей матери—церкви римской (26—27) и питать къ ней чувство благодарности за то, что римская церковь оказала предпочтеніе своей дочери предъ другими, предоставила ей большую честь, чѣмъ церквамъ антиохійской и александрійской (28); поэтому верхъ неблагодарности и непочтительности къ матери такіе поступки, какъ злословіе, бичеваніе анаемой, закрытіе церквей, отнятіе у аббатовъ и монаховъ монастырей на томъ основаніи, что они не держатся греческаго обряда (29). Касааясь правъ, ненадлежаще усвоенныхъ себѣ константинопольскими патріархами, папа объясняетъ неуиствность приравненія къ Александру, Иоанну Златоусту или Флавіану (34) и прикрытія себя именемъ знанія, правды и славы (37); выходя изъ положенія, что не должное присвоеніе правъ совершается въ ущербъ правамъ римской каеедры, заявляетъ, что никакой узурпаціи противъ римскаго престола не потерпитъ, уменьшенія привиллегій не допуститъ (36), совѣтуетъ не завидовать преимуществамъ которыми пользуются преемники Петра, не усиливаться лишить ихъ этихъ преимуществъ (38) и не стремиться уничтожить славу римской каеедры (39).

и всѣми странами западной Европы (Romanam urbem et omnes Italiae seu Occidentalium regionum provincias, loca et civitates). Что касается ближайшаго предмета, противъ котораго отвѣтъ папы долженъ былъ бы направляться, а именно мыслей и доказательствъ, приведенныхъ въ посланіи Льва охридскаго, то этимъ папа всего менѣе занимается ¹⁾.

Письмо папы было отвѣтомъ на посланіе Льва охридскаго и на гоненіе константинопольскихъ латинянъ Керуларіемъ, какъ на протестъ по адресу римскаго престола. Свѣтскому византійскому правительству, противъ намѣреній котораго въ посланіи Льва и поступкѣ Керуларія тоже заключался протестъ, предоставлялось самому считаться съ тѣмъ, что заключалось въ фактѣ ему неприятнаго. Сомнѣнія быть не можетъ, что византійское правительство скоро узнало о дѣлѣ. Мѣропріятія относительно латинянъ совершались на глазахъ, въ Константинополѣ, скрывать посланіе отъ византійскихъ политиковъ тоже не было въ расчетахъ патріарха, и если бы даже въ Константинополѣ оно было скрыто, то изъ

---

¹⁾ Онъ держится того принципа, что миръ церкви выше всего и что различіе обрядовъ не препятствуетъ спасенію. Приведши изрѣченія сваящ. Писанія, призывающія людей къ миру (п. 1), папа порицаетъ людей, которые пренебрегаютъ божественною заповѣдію и сѣютъ вражду (2), считаетъ такое поведение ихъ позорнымъ (3), указывающимъ на свойства принадлежащія антихристу (4) и довольно голословно заявляетъ, что упрекъ противъ римской церкви за опрѣсноки неостороженъ (5), что называть латинянъ азимитами не слѣдуетъ (20). Римская церковь знаетъ, что спасенію вѣрующихъ не препятствуютъ различные по времени и мѣсту обычаи, что лишь вѣра и любовь содѣлываютъ спасеніе, поэтому ни одна греческая церковь, ни одинъ монастырь, ни въ Римѣ, ни около Рима не потерпѣлъ ни малѣйшей помѣхи въ отправленіи своихъ обрядовъ (29), константинопольскому патріарху слѣдовало бы поступать по примѣру Рима, проповѣдывать церковное единеніе, а не заботиться о раздѣленіи и разсѣяніи овецъ (30); если онъ проповѣдуетъ раздѣленіе и вражду, то благочестивымъ государямъ и населенію столицы не слѣдовало бы слушаться его (31). Впрочемъ въ концѣ паяма папа сознается, что онъ вышелъ за предѣлы и не отвѣтилъ на тѣ обвиненія, какія взведены на римскую церковь по поводу опрѣсноковъ въ посланіи къ апулійскимъ епископамъ, онъ обѣщаетъ дать обстоятельный отвѣтъ въ другомъ сочиненіи (40), а пока удовольствоваться тѣмъ, что онъ написалъ, слѣдуя побужденіямъ отеческой любви и братскаго расположенія (41).

Италии не замедлил бы донести о немъ Аргиръ. Цѣль Керуларія на половину была достигнута. Если византійское правительство не отказалось отъ своихъ плановъ; то оно поняло, что провести ихъ невозможно на почвѣ исключительно политической, съ устраненіемъ константинопольскаго патріарха, что установить политическое единомысліе нельзя безъ согласія церковнаго. При данныхъ обстоятельствахъ, когда папа былъ въ рукахъ норманновъ, византійскому правительству, не желавшему терять того, что уже сдѣлано и опасавшемуся неблагоприятныхъ для себя усложненій, нельзя было медлить ни минуты, требовалось сейчасъ же принять мѣры къ тому, чтобы сгладить впечатлѣніе произведенное на западѣ посланіемъ Льва охр. и поведеніемъ Керуларія, равно какъ чтобы на будущее время предотвратить возможность такихъ непредвидѣнныхъ помѣхъ со стороны патріарха. Рѣшено было дѣйствовать совмѣстно съ нимъ, политическое соглашеніе съ папой не отдѣлять отъ соглашенія церковнаго. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано было представленіе константинопольскому патріарху и Керуларію, который не прочь былъ отъ единенія съ Римомъ, но лишь съ условіемъ, чтобы оно не шло въ разрѣзъ съ достоинствомъ и правами константинопольской кафедры, съ готовностію на то согласился. Написано было отъ имени императора Мономаха письмо къ папѣ, которое, какъ выше сказано, до насъ не дошло, но о содержаніи котораго мы знаемъ, что въ немъ императоръ утѣшалъ папу по случаю (его неудачи ¹⁾ съ норманнами, старался поддержать въ немъ бодрость и надежду на скорое возмездіе ожидающее ослабленныхъ уже норманновъ, увѣрялъ, что все обѣщанное остается въ силѣ и предлагалъ папѣ съ своей стороны быть твердымъ въ обѣщаніяхъ. Написано было также письмо патріарху Керуларіемъ, тоже до насъ не дошедшее, но въ общихъ чер-

¹⁾ Sicut enim tua pietas scribere curavit ad nostram consolationem, pro ista sua praesumptione majorem in proximo expectant (normanni) sibi superventuram indignationem, post illam, quam experti sunt, suae cetervae diminutionem. Migne CXLIII, 779. Will 87.

тахъ намъ извѣстное изъ отвѣта папы и изъ ссылокъ на него самого Керулларія въ письмѣ къ Петру антиохійскому. Письмо составлено было въ миролюбивомъ духѣ, цѣль патріарха была привлечь папу на сторону Византіи для совмѣстнаго дѣйствія противъ норманновъ, а въ видахъ прочности союза политическаго установить единомысліе религиозное ¹⁾). Керулларій убѣждалъ папу быть въ согласіи и единеніи, но при этомъ давалъ понять, что согласіе и миръ могутъ быть прочны только при взаимномъ уваженіи къ достоинству и правамъ обѣихъ кафедръ, письмомъ написано было отъ имени „вселенскаго“ патріарха и въ немъ сказано, что еслибы папа воздавалъ честь патріарху въ одной своей церкви, то патріархъ прославилъ бы за то его имя въ церквахъ всей вселенной ²⁾), или другими словами, что константинопольская кафедра не можетъ быть приравниваема къ остальнымъ патріаршимъ престоломъ, что она имѣетъ предпочтительное достоинство и власть сравнительно съ александрійскимъ, антиохійскимъ и іерусалимскимъ патріархами, въ ея юрисдикціи находится весь востокъ и даже западъ долженъ поучиться у константинопольскаго патріарха, поелику не напрасно онъ носитъ титулъ вселенскаго ³⁾). Оба письма къ папѣ, императорское и патріаршее, были пересланы съ какимъ-то вестіаріомъ къ Аргиру и отъ Аргира доставлены

¹⁾ Migne CXX, 784. Will 174.

²⁾ Bonum concordiae et unitatis exhortari studes... te universalem patriarcham jactas ubique et scripto et verbo... Scripsisti siquidem nobis, quoniam s. una ecclesia Romana par nos haberet nomen tuum, omnes ecclesiae in toto orbe terrarum haberent per te nomen nostrum. Migne CXLIII, 773. 774. 776. Will 89—91.

³⁾ Что такого именно взгляда держался Керулларій видно изъ письма его къ Петру антиох., въ которомъ *поручаетъ* ему разслѣдовать дѣло объ александрійскомъ и іерусалимскомъ патріархахъ — вѣренъ ли слухъ, что они совершаютъ евхаристію на оупѣсноксахъ, и о папскихъ легатахъ говоритъ, что величайшая съ ихъ стороны была дерзость и безуміе полагать, что не они должны учиться у констант. патріарха, а патріархъ у нихъ. Migne CXX, 789, 796, Will 178, 184.

съ папѣ ³⁾ въ Беневентѣ. Папѣ предложено было для окончательнаго соглашенія отправить уполномоченнаго въ Константинополь.

Предложеніе принято и составлено посольство изъ трехъ лицъ, занимавшихъ выдающееся положеніе и пользовавшихся громаднымъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ, что само по себѣ свидѣтельствуеть уже о томъ значеніи, какое Римъ придавалъ дѣлу. Легатами назначены: кардиналь - епископъ Гумбертъ, Петръ, архіепископъ Амальфи и Фридрихъ діаконъ и канцлеръ римской церкви. Гумбертъ состоялъ въ самомъ высокомъ санѣ, за нимъ слѣдовалъ Петръ, потомъ Фридрихъ, этого уже достаточно для доказательства, что во главѣ посольства стоялъ Гумбертъ, и для объясненія порядка, въ какомъ приведены ихъ имена въ официальной докладной запискѣ (*brevis et succincta commemoratio*) и въ предисловіи къ акту отлученія ²⁾). Инструкція для легатовъ была излишня. Это были люди, сами дававшіе инструкціи Льву IX, руководившіе его политикой и его взглядами. Тѣмъ не менѣе при ихъ отправленіи ясно установлены были начала, съ которыми они должны были сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Начала эти нашли себѣ выраженіе и въ отвѣтныхъ письмахъ папы Льва, изъ которыхъ два вручено было легатамъ для передачи константинопольскому императору и патриарху, а одно отдѣльно послано патриарху антиохійскому. Въ письмѣ къ Константину Мономаху папа

¹⁾ Migne CXX, 784. Will 174—5.

²⁾ Если въ нѣкоторыхъ западныхъ источникахъ при исчисленіи пословъ во главѣ ставится Фридрихъ (Leo Ost. 686, Panthaleo-Giesebrecht, Kaiserreit II, 670) или одинъ только онъ называется посломъ (Lamberti 155, Bonithonis ар. Jaffe II, 605), то причина тому поздаѣйшее выдающееся положеніе Фридриха, вступившаго въ 1057 г. на папскій престолъ подъ именемъ Стефана IX. Даже выраженіе письма Керуларія, на которое ссылается Гизебрехтъ (II, 668): *πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ ὁ πρωτεύειν ἐν τῇ τοποτηρήσει δοκῶν καρχελλάριον τῆς ἐν Ῥώμῃ ἐκκλησίας καὶ ἀνέψιον τοῦ ρηγὸς καὶ τοῦ παπα ἐαυτὸν ἀπεκάλει* (Migne CXX, 817, Will 187) ничего не говоритъ противъ, во первыхъ потому что Керуларій выражается здѣсь неувѣренно (*δοκῶν*), смущенный родственными связями Фридриха, а во вторыхъ потому что самъ же онъ въ другомъ письмѣ отводитъ Фридриху тѣе же мѣсто: *τῷ δὲ γε τρίτῳ προσωπεῖον περιθεῖς καρχελλάριου... ἀξίωμα* (Migne CXX, 785. Will 175).

дѣлаеть завѣреніе, долженствовавшее совершенно склонить византійскихъ политиковъ на сторону папы, что онъ не перестанеть дѣйствовать противъ норманновъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не освободить отъ нихъ христіанъ, что онъ со дня на день ожидаетъ прибытія на помощь императора Генриха и надѣется при помощи Божіей, устроить союзъ между нимъ и императоромъ византійскимъ. Своихъ легатовъ папа рекомендовалъ благосклонному вниманію императора, и въ частности просилъ неимѣть никакихъ сомнѣній на счетъ Петра амальфійскаго, потому что онъ, оставивъ Амальфи, жилъ почти годъ при особѣ папы ¹⁾. О назначеніи пословъ и ихъ полномочіяхъ папа говоритъ съ сознаниемъ преимуществъ римскаго престола, котораго они служатъ представителями. Упомянувши о слухахъ, распространившихся на счетъ Керулларія, будто онъ возбудилъ открытѣе преслѣдованіе на латинскую церковь, не побоялся подвергнуть анаѳемѣ всѣхъ принимающихъ таинство евхаристіи на опрѣсноксахъ, стремится отнять древнее достоинство у патріарховъ александрійскаго и антiохійскаго и подчинить ихъ своей власти, а равно присвоаетъ себѣ многое другое, о чемъ подробно изложить легаты, папа заявляетъ, что если патріархъ константинопольскій окажется упорнымъ, то мира онъ не получитъ, „надѣмся однакожь, прибавляетъ папа, что по милости Божіей найдены будутъ легатами невиннымъ, или же будутъ ими исправлены, скоро уступивши убѣжденіямъ, и сдѣлаются не такимъ, какимъ рисуеть его молва, но какимъ для насъ желательно, чтобы онъ былъ“ ²⁾. Въ письмѣ къ Керулларію папа повторяетъ тѣже

¹⁾ Гёрберъ, Gregor. VII, I, 609, объясняетъ подозрѣнія противъ Петра тѣмъ, что Амальфъ съ 1043 г. находился подъ властью норманновъ. Но историкъ, кажется, не отличаетъ Амальфи, городъ близъ Солерно и Неаполя, отъ Мельфи, на границѣ Апуліи, городъ дѣйствительно рано попавшій въ руки норманновъ, даже не въ 1043, а въ 1041 г. Отъ смѣшенія этихъ городовъ предостерегалъ уже старинный переводчикъ Амата на французскій языкъ (Амат. 38), по поводу исторіи съ Мельфиами. О Петрѣ амальфійскомъ Керулларій писалъ (Migne CXX, 785, Will 175), что за пять лѣтъ до посольства въ Римъ онъ былъ удаленъ съ кафедръ и все время находился въ изгнаніи.

²⁾ Migne CXLIII, 729—780. Will, 87—89.

обвиненія противъ патріарха, высказываетъ изумленіе по тому поводу, что патріархъ выступилъ гонителемъ латинской церкви, сталъ подвергать анаемѣ и возбуждать публичное преслѣдованіе противъ всѣхъ принимающихъ таинство на опрѣсновахъ изъ-за суетнаго тщеславія и превозношенія старается подчинить своей власти патріарховъ александрійскаго и антиохійскаго, вопреки ихъ древнимъ привилегіямъ. Приведши эти обвиненія, почерпнутыя изъ слуховъ, папа приводитъ еще одно обвиненіе, заимствованное изъ того же источника и сходное съ обвиненіемъ, предъявленнымъ нѣкогда папствомъ патріарху Фотію: „говорятъ, что ты неофитъ, взшелъ на епископство не по церковнымъ степенямъ (*non gradatim*)“. Два обвиненія извлечены наконецъ изъ самаго письма Керуларія. Присвоеніе константинопольскимъ патріархомъ титула „вселенскій“ папа называетъ святотатственной узурпаціей; всего бы приличнѣе, говоритъ онъ, назваться такимъ именемъ апостола Петру; но поелику ему титулъ не былъ усвоенъ, то ни онъ, ни его преемники такъ не назывались, когда же константинопольскій патріархъ Іоаннъ присвоилъ себѣ этотъ титулъ, онъ былъ въ этомъ обличенъ Пелагіемъ II и Григоріемъ В. Въ выраженіи Керуларія, что если бы папа почтилъ его въ одной своей церкви, патріархъ прославилъ бы за то его имя въ церквахъ всей вселенной, Левъ IX усмотрѣлъ преступное умаленіе достоинства римской кathedры: „что это за нелѣпость, спрашиваетъ папа? Развѣ римская церковь, глава и мать церквей, не имѣетъ членовъ и дочерей? Если бы не имѣла, то развѣ возможно было бы называть ее главою и матерью? Мы вѣруемъ, говоримъ и съ твердостію исповѣдуемъ: римская церковь не изолирована (*sola*) или, какъ ты говоришь, не одна (*una*), и если гдѣ-нибудь во вселенной какой-нибудь народъ надменно разногласить съ нею, онъ уже не можетъ назваться и считаться церковію,— это уже соборище еретиковъ, сходбище схизматиковъ и синагога сатаны“. „Мы, продолжаетъ папа, не можемъ имѣть никакого мира съ упорными и непреклонными въ заблужденіи, да не приобщимся дѣяніямъ злыхъ. Итакъ да престануть ереси и расколы, и да не

будетъ впредь для возлюбившихъ законъ Господень соблазна, но миръ много, а кто хвалится именемъ христianaина, да престанеть злословить и терзать святую римскую апостольскую церковь. Возлагаемъ однакожь упованiе на божественную благодать, надѣемся, что легаты найдуть тебя невиннымъ и исправившимся, или что по ихъ внушенiямъ скоро исправись. Если это будетъ достигнуто, то миръ нашъ не возвратится къ намъ, но на тебѣ почиетъ, какъ на сынѣ мира, и воцарится между нами братская любовь съ чистымъ сердцемъ, доброю совѣстью и вѣрою не ложною (1 Тим. I), и не будетъ тебѣ надобности насъ умолять ¹⁾, но будешь приказывать. Содѣйствуй въ этомъ, какъ ты началъ—и два величайшихъ царства соединятся въ желанномъ мирѣ ²⁾. Въ письмѣ къ Петру антиохiйскому, отправленномъ въ отвѣтъ за извѣстительное посланiе послѣдняго, папа привѣтствуетъ его со вступленiемъ на кафедру, хвалить за то, что онъ изложилъ свою вѣру предъ первымъ апостольскимъ престоломъ римской церкви, которая есть глава всѣхъ церквей и на окончательное рѣшенiе которой должны поступать важнѣйшiя и труднѣйшiя дѣла изъ всѣхъ церквей (*ad quam majores et difficiliores causae omnium ecclesiarum definiendae referantur*). Папа приглашаетъ новоизбраннаго патрiарха защищать, въ союзѣ съ римскимъ престоломъ, честь антиохiйской кафедры, которая получила отъ римской церкви и соборовъ св. отецъ третье мѣсто, все же это говоримъ, замѣчаетъ папа, потому что нѣкоторые, какъ мы слышали, стараются умалить древнее достоинство антиохiйской церкви ³⁾. Далѣе по поводу недоумѣнiя ³⁾ Петра антиохiй-

¹⁾ Намекъ на смиренный тонъ письма Керулларiя къ папѣ, которое написано было *μετὰ πολλῆς ταπεινοφροσύνης*, по свид. самого Керулларiя (*Migne CXX, 784. Will 174*).

²⁾ *Migne CXLIII, 774—777. Will 89—92*.

³⁾ *Νύκτωρ τὲ μεθ' ἡμέραν ἔστρεφον κατὰ νοῦν, τὸς ὁ λόγος τῆς ἐκκλησιαστικῆς διατάξεως, ἵνα τὸς ὁ τοῦ μεγάλου Πέτρου διαδοχὸς ὁ τῆς πρεσβυτέρας ῥώμης ποιμὴν τοῦ θεοῦ τῶν ἐκκλησιῶν τοῦ σώματος διασχιζοιτό τε καὶ διατέμνοιτο καὶ μὴ σημετέχει τοῖς προεστῶσι τούτων τῶν θεϊκῶν βουλευμάτων καὶ τὰς ἐκκλησιαστικὰς συνδιαφέροι φροντίδας, ἀνὰ μέρος καὶ αὐτὸς ἀποστολικῶς ὑπ' ἐκείνων χειραγωγούμενος.*

скаго относительно причинъ, вносящихъ раздѣленіе во вселенскую церковь, папа совѣтуетъ поосмотрѣться и поискать корня бѣды у себя. „А мое смиреніе, вознесенное на вершину апостольскаго трона для того, чтобы одобрять заслуживающее одобренія и порицать неодобрительное, охотно одобряетъ, похваляетъ и утверждаетъ возведеніе твое въ епископство... если только ты возведенъ не будучи ни неофитомъ, ни сановникомъ (мірскимъ), ни двоеженцемъ и не за деньги, либо инымъ какимъ противнымъ священнымъ канонамъ способомъ“ ¹⁾. Изъ всѣхъ трехъ писемъ видно, что папскіе легаты отправлялись въ Константинополь далеко не съ тѣми чувствами братской любви и уваженія къ правамъ катедры константинопольской, которыя Керулларій считалъ непремѣннымъ условіемъ добраго согласія. Римскій престолъ въ гордомъ самоувѣніи о своихъ преимущественныхъ правахъ, о которыхъ и Левъ IX подобно папѣ Николаю говоритъ языкомъ жеисидоровыхъ декреталій, съ прибавленіемъ еще лжеконстантиновой донаціи, выступалъ не какъ равный съ престоломъ константинопольскимъ по власти, но какъ судья вершитель всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ и источникъ всякой церковной власти. Константинопольской церкви предлагался миръ, но лишь подъ условіемъ отреченія отъ правъ, принадлежавшихъ константинопольской катедрѣ, и признанія папскаго главенства, подъ тѣмъ же условіемъ, которое заявлялось еще при Фотіѣ, хотя не съ такою рѣзкостью; отъ Керулларія требовалось, чтобы онъ съ покорностью явился предъ трибуналомъ трехъ папскихъ легатовъ, какъ подсудимый, доказалъ, что онъ не неофитъ, латинякъ за опрѣсноки не преслѣдовалъ, церквей ихъ не закрывалъ притязаній на предпочтительную власть, сравнительно съ другими патріархами, равно какъ на титулъ вселенскаго, не питалъ, римскую церковь считать матерью и главою всѣхъ церквей никогда не переставалъ, если же онъ повиненъ въ какомъ-нибудь изъ этихъ

Изъ извѣстительнаго посланія Петра ант., рукоп. моск. синод. библиот. 509 (найдено проф. Н. Е. Троицкимъ).

¹⁾ Migne CXLIII, 769—771. Will 168—170.

грѣховъ, то чтобы смиренно выслушала наставленіе папскихъ легатовъ, покаялся и анаематствовалъ тѣхъ, которые впредь въ этихъ грѣхахъ будутъ повинны, — и все это требовалось отъ того патріарха, который имѣлъ такое возвышенное представленіе о своемъ патріаршемъ достоинствѣ, какъ о достоинствѣ выше царскаго, и который такъ былъ непреклоненъ и строгъ въ охраненіи чести своей, какъ патріарха. Нужно было слишкомъ много самообольщенія со стороны Рима, чтобы не видѣть, что легатамъ нечего ѣздить въ Константинополь, и что свой миръ они привезутъ обратно.

Письмо папы къ Керуларію датировано январемъ 7-го индиктіона. Это показываетъ только, что легаты были посланы не раньше января 1054 г. Но когда именно они выѣхали неизвестно, известно только, что предъ отплытіемъ они побывали въ монте-кассинскомъ монастырѣ, гдѣ просили напутственныхъ молитвъ у монаховъ ¹⁾, лѣтомъ прибыли въ Константинополь, торжественно въѣхали въ столицу въ преднесеніи креста и жезловъ ²⁾, помѣщены во дворцѣ Пиги и 24 іюня дѣйствовали противъ Никиты Стифата ³⁾. Достоверно не знаемъ, сколько они до этого дня (24 іюня) прожили въ Константинополѣ. Понятно, путь ихъ въ Константинополь не могъ продолжаться полгода, они или позже января выѣхали изъ Италіи, или раньше іюня прибыли въ Константинополь, или то и другое вмѣстѣ. Одно обстоятельство можетъ наводить на догадку. Папа Левъ IX жилъ въ Беневентѣ до 12 марта 1054 г. Затѣмъ отправился въ Римъ, гдѣ и умеръ 19 апрѣля того же года. Если бы смерть папы застигла легатовъ въ Италіи, то судя по аналогичнымъ примѣрамъ (изъ которыхъ объ одномъ у насъ будетъ ниже рѣчь), это задержало бы ихъ, а можетъ быть повліяло бы и на отѣну посольства. Необходимо предположить, что они отплыли изъ Италіи при жизни

¹⁾ Leo ost., 686.

²⁾ Migne CXX, 788. Will 177.

³⁾ Migne CXLIII, 1001.

Льва. Съ другой стороны есть прямое указаніе, что вся дѣятельность легатовъ къ Константинополѣ падаетъ на время послѣ смерти папы ¹⁾. Сближая одно съ другимъ и отчисляя нужное время на проѣздъ, можемъ сдѣлать выводъ, что легаты отплыли изъ Италіи въ половинѣ апрѣля, прибыли въ Константинополь въ маѣ, смерть папы произошла, когда они находились въ пути, но вѣсть о ней не могла ихъ догнать и получена ими лишь въ Константинополѣ. Хотя отправленіе посольства рѣшено было еще въ январѣ, но время отъ января до апрѣля прошло въ сборахъ, посѣщеніи монастырей и другихъ дѣлахъ, май и начало іюня употреблены были легатами въ Константинополѣ на составленіе сочиненій и пр. Если бы не Левъ IX, покорное орудіе въ чужихъ рукахъ, отправилъ легатовъ, и если бы должность легатовъ исправляли другія лица, а не руководители папской политики; то ничего нѣтъ невѣроятнаго, что полученіе извѣстія о смерти папы даже послѣ прибытія къ мѣсту назначенія, могло бы повліять на выполненіе порученія, отразиться отсрочкой его или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Но Гумбергъ, Петръ и Фридрихъ, хорошо знакомые съ программой реформаціонной партіи, руководившей церковными дѣлами на западѣ, не нуждались въ новыхъ указаніяхъ на счетъ того, какъ поступать, и пренебрегши приличіями, принятыми въ процедурѣ международныхъ сношеній, рѣшились довести дѣло до конца, не смотря на то, что государь ихъ сошелъ въ могилу, а преемника ему еще не существовало (Викторъ II интронизованъ лишь 13 апрѣля 1055 г.). Для Керуларія, воспитаннаго на византійской формалистикѣ и этикетѣ трудно было понять, чтобы посольство могло существовать безъ пославшаго, уполномоченный безъ лица уполномочившаго и онъ былъ убѣжденъ, или по крайней мѣрѣ другихъ хотѣлъ убѣдить, что легаты были не настоящими, а самозванными послами папы Льва. Составлена была цѣлая легенда, въ которой первая роль принадлежала личному врагу Ке-

¹⁾ Въ письмѣ Петра антиох. Migne CXX, 796. Will 190: καὶ ταῦτα τοῦ πάπα τὸν βίον καταστρέψαντος.

рулларія, дукъ Аргиру, а именно, что коварный латинянинъ Аргиръ, желая произвести соблазнъ и скомпрометировать патріарха, получивъ отъ вестіарита его письмо къ папѣ, снялъ печать, прочиталъ его, составилъ на него отвѣтъ патріарху, какъ будто отъ имени папы, склонилъ на свою сторону экс-архіепископа Амальфи и еще двухъ, изъ которыхъ одинъ назвался архіепископомъ-кардиналь—епископомъ), хотя нигдѣ не архіерействовалъ, а другой канцлеромъ, и отправилъ ихъ въ Константинополь, Керуларій приводилъ и доказательства: во-первыхъ сходство между содержаниемъ письма къ нему папы и рѣчами Аргира (во время пребыванія его въ Константинополь), во-вторыхъ поддѣлка печатей на письмахъ принесенныхъ легатами въ Константинополь¹⁾. Происхожденіе этой легенды слѣдуетъ искать не въ иномъ чемъ, какъ въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, при которыхъ легатамъ приходилось отправлять свое посольство, въ томъ, что ихъ дѣятельность въ Константинополѣ пала на время междуцарствования.

Легаты принесли въ Константинополь, кромѣ двухъ писемъ папы къ Мономаху и Керуларію, еще отвѣтное письмо папы на посланіе Льва къ Іоанну транійскому, содержаніе котораго выше передано. Объ этомъ говоритъ самъ папа въ письмѣ къ Керуларію, въ которомъ сдѣлавъ нѣсколько краткихъ замѣтокъ объ опрѣснокахъ, прибавляетъ: „но поелику объ этомъ, какъ и о другихъ нареканіяхъ твоихъ, ты пространнѣйшее получишь наставленіе чрезъ другое наше сочиненіе (*per alia scripta nostra*) отъ нашихъ нунціевъ, которые его несутъ, то здѣсь достаточно коснуться кратко“¹⁾. Правда, это мѣсто возбуждаетъ недоразумѣніе. Отвѣтъ на посланіе Льва охр. не заключаетъ опроверженія другихъ нареканій кромѣ направленныхъ противъ опрѣсноковъ, да и объ опрѣснокахъ сказано не болѣе, чѣмъ въ письмѣ къ Керуларію; кромѣ того въ отвѣтѣ на посланіе Льва охридскаго папа далъ обѣщаніе представить обстоятельное опроверженіе спорныхъ пунк-

¹⁾ Migne CXX, 785—8, 816. Will 175—7. 185.

товъ, указанныхъ въ посланіи. Такое опроверженіе до насъ сохранилось подъ заглавіемъ: *Dialogus* ²⁾). Авторъ, подъ формою разговора между константинопольцемъ и римляниномъ, даетъ отвѣтъ на возраженія Льва охридскаго; константинопольецъ приводитъ текстъ посланія, а римлянинъ на каждый пунктъ дѣлалъ опроверженіе. Гизебрехтъ ³⁾ полагаетъ, что этотъ діалогъ составленъ папой Львомъ и... именно онъ разумѣется въ вышеприведенномъ мѣстѣ письма къ Керуларію, а Гфрѣреръ ⁴⁾, не опровергая принадлежности его кардиналу Гумберту, подъ именемъ котораго онъ значится въ рукописяхъ и изданіяхъ, полагаетъ только, что онъ былъ изготовленъ Гумбертомъ до отъѣзда легатовъ изъ Италіи и привезенъ уже ими въ Константинополь. То и другое мнѣніе противорѣчитъ документальнымъ показаніямъ. Въ докладной запискѣ сказано: „написанное тѣми нунціями (*scripta eorundem nuntiorum*) противъ различныхъ клеветъ грековъ и особенно противъ писанія Михаила, епископа константинопольскаго, и Льва, митрополита охридскаго, и монаха Никиты было переведено, по приказанію императора на греческій языкъ и доселѣ хранится въ томъ городѣ“ ⁵⁾, а біографъ папы Льва говоритъ: „вышеназванный братъ Гумбертъ издалъ противъ ихъ безстыднаго писанія отвѣтъ, подъ формою діалога, написанный имъ по латинѣ во время пребыванія въ Константинополѣ въ качествѣ апокрисиарія и изданный по гречески по приказанію благочестиваго и православнаго императора Константина Мономаха, подъ именами константинопольца и римлянина, въ 1054 г.“ ⁶⁾. Такимъ образомъ одно показаніе говоритъ, что опроверженіе посланія Льва охридскаго написано кѣмъ-то изъ легатовъ, а другое, что оно написано именно Гум-

¹⁾ Migne CXLIII, 776. Will 91.

²⁾ Migne CXLIII, 929—974. Will 92—126.

³⁾ Kaiserzeit II, 668.

⁴⁾ Kirchengeschichte, III, 317.

⁵⁾ Migne CXLIII, 1001. Will 151.

⁶⁾ Wiberti 296.

бертомъ, въ бытность его въ Константинополь и вышло изъ его рукъ или, по крайней мѣрѣ, изъ рукъ греческаго переводчика, работавшаго, безъ сомнѣнія, подъ его надзоромъ, въ той формѣ, въ какой діалогъ дошелъ до насъ, т. е. въ немъ бесѣдуютъ константинополецъ и римлянинъ. На этомъ свидѣтельствѣ источниковъ можемъ и остановиться, разумѣя подъ сочиненіемъ, упомянутымъ въ письмѣ папы къ Керуларію не діалогъ, но отвѣтное письмо папы на посланіе Льва охридскаго. Въ крайнемъ случаѣ, если необходимо устранять вышеуказанное недоразумѣніе, можемъ допустить такую комбинацію, что дѣйствительно папа составилъ болѣе тщательное опроверженіе посланія Льва охридскаго и вручилъ его легатамъ, но такъ какъ оно не удовлетворяло, по взгляду Гумберта, полемическимъ требованіямъ, между тѣмъ папы уже не было въ живыхъ и церемониться съ его произведеніемъ Гумбертъ не считалъ нужнымъ, то, находясь въ Константинополь, онъ его совершенно переработалъ и издалъ подъ своимъ именемъ.

Діалогъ посвященъ разсмотрѣнію четырехъ пунктовъ разностей указанныхъ въ посланіи Льва охридскаго: а) о совершеніи евхаристіи на опрѣснокахъ, б) постѣ въ субботу, в) яденіи удавленныи и г) нечѣстнѣи аллилуіи въ великомъ посту ¹⁾.

Опровергая нападенія грековъ съ помощію священнаго писанія и другихъ средствъ бывшихъ у него въ распоряженіи, Гумбертъ въ свою очередь выдвигаетъ въ этомъ сочиненіи обвиненія про-

---

¹⁾ Относительно перваго пункта, на которомъ Гумбертъ останавливается по преимуществу, онъ указываетъ основанія для обычая западной церкви, совершать евхаристію на опрѣснокахъ, въ томъ, что на опрѣснокахъ совершена тайная вечеря Христомъ Спасителемъ. Къ этому главному основанію присоединяетъ еще соображенія, что опрѣснокъ приготовляющійся лишь изъ чистой муки и чистой воды, съ помощію огня, чище чѣмъ квасный хлѣбъ, который заключаетъ въ себѣ вещества нечистыя и испорченныя, что опрѣснокъ слагающійся изъ трехъ элементовъ, муки, воды и огня, важенъ по своему таинственному значенію, такъ какъ указываетъ на три лица св. Троицы, между тѣмъ какъ квасный хлѣбъ заключающій пять элементовъ (кромѣ названныхъ трехъ еще закваску и соль), такого значенія не имѣетъ. Доказательство противниковъ, выводимое изъ этимологіи слова ἄρτος, опровергаетъ тѣмъ,

тивъ грековъ: что они перекрещиваютъ переходящихъ къ нимъ латинянъ, отказываютъ въ крещеніи дѣтямъ до истеченія восьми дней послѣ ихъ рожденія, отчего множество новорожденныхъ, умирая, на вѣки погибаетъ, разрѣшаютъ женатымъ священникамъ переходить отъ общенія съ женами прямо въ служенію алтарю, не дозволяютъ вкушать евхаристію роженицамъ и женщинамъ находящимся въ періодѣ мѣсячнаго очищенія, носить штаны и ѣсть мясо вмѣняютъ монахамъ въ большой грѣхъ, чѣмъ прелюбодѣйствовать.

Легаты нашли себѣ въ Константинополѣ новаго литературнаго противника, въ лицѣ Никиты Стифата. Онъ написалъ сочиненіе „Объ опрѣснокѣхъ, субботнемъ постѣ и бракѣ священниковъ“¹⁾.

что какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ заветѣ слово *ἄρτος* употребляется и для обозначенія опрѣснокѣхъ. По второму пункту Гумбертъ на упрекъ грековъ противъ латинянъ за приверженность къ іудейству, обнаруживающуюся въ субботнемъ постѣ, отвѣчаетъ, что латиняне въ субботу занимаются работою и постятся въ знакъ печали, потому что въ тотъ день Господь умеръ и погребенъ; въ этомъ нѣтъ іудействованія, іудеи прекращаютъ работу и празднуютъ субботу, какъ день радостный,—дѣлаютъ точно тоже что и греки, на которыхъ поэтому и долженъ обратиться упрекъ въ іудействованіи. По третьему пункту о яденіи удавленины, Гумбертъ объясняетъ грекамъ, что яденіе удавленины воспрещено Моусеевымъ закономъ, а не евангеліемъ, и христіане не обязаны слѣдовать ветхозавѣтнымъ предписаніямъ о пищѣ. На возраженіе, что апостолы соблюдали ветхозавѣтные законы о пищѣ, онъ отвѣчаетъ уподобленіемъ, показывающимъ, что онъ смотрѣлъ на апостольскій періодъ, какъ на переходное время отъ ветхаго къ новому завету, установленіямъ и практикѣ того времени придавалъ значеніе переходящее, какъ во время утренняго разсвѣта мракъ борется со свѣтомъ и глазъ направляется то туда, то сюда, такъ и апостолы, пока они пребывали въ іудействѣ, хотя и были возбуждаемы яснымъ свѣтомъ евангелія, однакожъ не вполне еще были имъ объяты и по нѣкоторымъ вопросамъ были прикрываемы подзаконнымъ мракомъ. Что касается наконецъ послѣдняго пункта, непѣнія аллилуія во дни четырехдесятницы и пѣнія ея лишь въ Пасху, Гумбертъ говоритъ, что латиняне не только въ Пасху поютъ аллилуію, но и въ другіе дни года, за исключеніемъ девяти недѣль, въ которыя не поютъ, слѣдуя обычаю предковъ и руководствуясь тѣмъ, что аллилуія есть пѣснь радости, не приличествующая постному времени.

¹⁾ Niceta presbyter et monachus monasterii Studiorum, qui praenominatur

Написалъ, по видимому, послѣ прибытія легатовъ въ Византію; потому что дѣласть въ самомъ началѣ обращеніе къ римлянамъ, всѣхъ народовъ мудрѣйшимъ и знаменитѣйшимъ (o omnium gentium sapientissimi et nobilissimi Romani), а въ концѣ обращается въ частности къ мужамъ изъ римлянъ мудрѣйшимъ и у всѣхъ другихъ народовъ знаменитѣйшимъ (o viri Romanorum sapientissimi et omnium aliarum gentium nobilissimi), и привѣтствуетъ ихъ въ Христѣ Иисусѣ (salutamus vos in Christo Iesu Domino nostro),— тѣмъ какъ бы намекаетъ на легатовъ римскаго престола, которымъ онъ, вмѣсто привѣтствія, преподноситъ полемическій трактатъ. Заглавіе сочиненія не исчерпываетъ вполнѣ его содержанія. Кромѣ опрѣсноковъ и субботняго поста, которые затронуты были въ поланіи Льва охридскаго, кромѣ безбрачія священниковъ (пунктъ сравнительно съ посланіемъ Льва охридскаго новый ²⁾), прибавленный Никитой Стифатомъ), онъ обратилъ вниманіе еще на одинъ пунктъ—о времени совершенія литургіи въ великомъ посту ³⁾.

Pectoratus, Romanis de azymis et sabbatorum jejuniis et nuptiis sacerdotum Migne CXX, 1011—1022. Will 127—136.

¹⁾ Хотя при Фотіѣ затронутый, слѣд. не новый вообще.

²⁾ Центральнымъ аргументомъ полемики Стифата служатъ ссылка на шестой вселенскій соборъ (т. е. трульскій), который тѣмъ болѣе долженъ быть авторитетенъ для римлянъ, что происходилъ подъ предсѣдательствомъ папы Агаеона, и который сдѣлалъ неблагопріятныя для римскихъ обычаевъ постановленія объ евхаристійномъ хлѣбѣ, постѣ въ субботу, преждеосвященныхъ дарахъ и бракѣ священниковъ. Этотъ аргументъ преобладаетъ, другіе его восполняютъ. Въ частности относительно опрѣсноковъ Стифатъ объединяетъ доказательства, о которыхъ уже знаемъ изъ посланій Льва охридскаго и Петра антиох. О латинянахъ говоритъ, что, употребляя опрѣсноки, они находятся подъ іудейскимъ закономъ; объ ихъ опрѣснокѣ, что онъ не одушевленъ и не можетъ быть видомъ истиннаго и живаго тѣла Господня, что онъ, какъ несовершенный и неполный, не указываетъ, подобно квасному хлѣбу, на находящіеся въ тѣлѣ Христовомъ духъ, воду и кровь. Какъ бы въ отвѣтъ на діалогъ Гумберта, показываетъ неосновательность аргумента, заимствованнаго отъ элементовъ составляющихъ опрѣснокъ, потому что апостолъ (Іоанн. V, 8) не сказалъ, что мука, вода и огонь свидѣтельствуютъ о Христѣ, видѣтъ же въ этомъ указаніе на св. Троицу значить повторять ересь тѣхъ, которые говорили, что страдалъ Богъ (троичный), а не второе только лицо св. Троицы. Положительныя доказательства противъ опрѣсноковъ и въ пользу употребле-

Во время пребывания папских легатовъ въ Константинополь написанъ „отвѣтъ или возраженіе противъ книги Никиты Стифата“¹⁾. Объ авторѣ этого произведенія существуютъ разныя мнѣнія. Въ самомъ произведеніи есть три мѣста, въ которыхъ заключается указаніе на автора. Самое важное мѣсто то, гдѣ говорится: „это въ достаточной мѣрѣ показано въ предшествующемъ нашемъ повѣствованіи (in superiori nostra narratione), въ которомъ мы хотѣли опровергнуть твоихъ сообщниковъ и единомышленниковъ, Михаила константинопольскаго и Льва охридскаго“²⁾. Въ другихъ двухъ мѣстахъ говорится просто „о другомъ посланіи“ (in alia nostra epistola), „о тщательномъ разсужденіи въ другомъ мѣстѣ“ (alias copiose dissernimus). Таеъ какъ діалогъ въ опроверженіе Льва охридскаго и Михаила константинопольскаго написанъ Гумбертомъ, то изъ этихъ мѣстъ открывается, что и отвѣтъ Стифату составленъ имъ же. Но рядомъ съ этимъ есть другія данныя. Выше (по поводу діалога) приведено мѣсто изъ докладной записки, въ которомъ сочиненія противъ Льва охр. и Михаила конст. и противъ монаха Никиты называются произведеніями нунціевъ—*scripta nuntiorum*,—а не нунція, изъ чего слѣдуетъ, что поелику одно сочиненіе (противъ Михаила и Льва) написано кардиналомъ Гумбертомъ, то другое должно считаться написаннымъ какимъ-нибудь другимъ легатомъ, или если Гумбертомъ, то не имъ однимъ, но

вія кваснаго хлѣба указаны въ томъ, что Христосъ совершилъ тайную вечерю 13 нивана, когда іудеи вкушали еще квасный хлѣбъ, а не опрѣсноки, и въ 11 прав. 6-го вселенскаго собора. Неумѣстность поста въ субботу доказывается у Никиты постановленіями апостольскими (69) и правилами трульскаго собора (66), неумѣстность совершенія полной литургіи во всѣ дни четыредесятницы—правилами соборовъ: гангрскаго (19), лаодикійскаго (48, 52) 6-го вселенскаго (трульскаго) (52), неправильность безбрачія священниковъ—апостольскими постановленіями, правилами (трульскаго) шестаго вселенскаго собора (13). Въ сочиненіи Никиты Стифата господствуетъ приличный и почтительный тонъ, составляющій рѣзкую противоположность тону опроверженія написаннаго противъ этого сочиненія.

¹⁾ Migne, CXX, 1021—1038. Will, 136—150.

²⁾ Migne, CXX, 1023. Will, 137.

въ сотовариществѣ съ Петромъ амальфійскимъ или канцлеромъ Фридрихомъ. Въ разъясненіе этого у біографа папы Льва IX, вслѣдъ за сообщеніемъ о томъ, что Гумбертъ написалъ діалогъ, читаемъ: „также и господинъ Фридрихъ, въ то время канцлеръ, а потомъ богоизбранный намѣстникъ апостольскаго римскаго престола, отвѣтилъ на нѣкоторыя возраженія, которыя издалъ противъ латинской церкви монахъ константинопольскій Никита, называемый также Пекторатомъ, въ книгѣ озаглавленной: объ опрѣсногѣ, субботахъ и бракѣ священниковъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ получаютъ два одинаково прочныхъ основанія для сужденія о принадлежности сочиненія Фридриху и Гумберту. Нѣкоторые ученые (Гефлеръ ²⁾, Гизебрехтъ) ³⁾ держатся взгляда, что авторомъ былъ Фридрихъ, большинство (въ томъ числѣ и Вилль) ⁴⁾ считаютъ авторомъ Гумберта. Однакожь ни при томъ, ни при другомъ взглядѣ невозможно согласовать двухъ разнорѣчивыхъ показаній, достовѣрность которыхъ стоитъ внѣ сомнѣнія, изъ которыхъ одно почерпается изъ содержанія сочиненія, другое изъ докладной записки (авторитетъ Виберта уступаетъ сравнительно съ ними въ цѣнности, такъ какъ онъ въ зависимости отъ докладной записки). Единственный способъ согласованія показаній, при которомъ къ тому же и свидѣтельство Виберта получаетъ свое мѣсто, — предположить, что отвѣтъ Никитѣ Стифату составленъ совмѣстными трудами двухъ легатовъ—кардинала Гумберта и канцлера Фридриха. Сущность возраженія противъ книги Никиты такова: Никита извращаетъ, или неправильно понимаетъ и примѣняетъ тексты свая. Писанія и соборныя правила и приводитъ не имѣющія цѣны доказательства изъ апокрифовъ. Противники Никиты оказываются сильнѣе его по полемическому таланту, но далеко уступаютъ ему въ чувствѣ приличія,

¹⁾ Wiberti, 296.

²⁾ Die deutsch. Päpste, II, 224.

³⁾ Kaiserzeit, II, 668.

⁴⁾ Will, 136.

обрушиваются на несчастнаго монаха потокомъ ругательствъ, которыя оставляютъ невыгодное впечатлѣніе относительно благовопитанности сановниковъ римской церкви ¹⁾.

¹⁾ Въ частности по вопросу объ опрѣсновахъ легаты указываютъ на искаженіе Никитой текста Марк. VIII, 15, неправильное пониманіе и примѣненіе 1 Іоанн. I, 6; II, 9; V, 7 и 11 прав. 6-го вселенскаго собора. Оставляя безъ вниманія аргументы противника, которые имѣютъ сходство съ аргументаціей Льва охр., разсмотрѣнной въ діалогъ (причемъ отсылаютъ къ діалогу), легаты нѣсколько останавливаются на аналогіи между элементами хлѣба съ одной стороны, кровью, водою и духомъ въ тѣлѣ Христовомъ, съ другой, и говорятъ, что верхъ нечестія утверждать, будто на крестѣ, когда изъ ребра Христова истекла кровь и вода, оставался въ тѣлѣ и духъ, такъ какъ отсюда слѣдуетъ, что Христосъ не умеръ, поэтому и не воскресъ, поэтому и вѣра наша тщетна; Христосъ былъ мертвъ, не былъ теплымъ, отсюда не вѣрно также, что изъ ребра его истекла теплая кровь и вода. По вопросу о постѣ въ субботу показывается подложность приведеннаго правила изъ постановленій апостольскихъ, ошибочность мнѣнія, будто папа Агафонъ председательствовалъ на 6-мъ всел. соборѣ (а не легаты его), и неправильное усвоеніе этому собору непринадлежащаго ему постановленія о субботнемъ постѣ. По вопросу о времени совершенія литургіи правильность латинскаго обычая выводится изъ свидѣтельства Дѣян. II, 42 о каждодневномъ преломленіи хлѣба и изъ отсутствія опредѣленныхъ постановленій о часѣ, когда слѣдуетъ совершать безкровную жертву. Кстати исчисляются нѣкоторые вины грековъ: что они къ жертвенному хлѣбу относятся крайне небрежно, роняютъ крупичицы, вдавливаютъ хлѣбъ въ чашу руками, оставшееся выбрасываютъ, если трудно пожрать, послѣ вкушенія тѣла Христова прямо приступаютъ къ обыкновенной пищѣ. По вопросу о бракѣ священниковъ легаты усматриваютъ въ своемъ противникѣ приверженность къ ереси николаитовъ, заявляютъ о подложности приведеннаго имъ постановленія апостольскаго и доказываютъ правильность безбрачія мѣстами свящ. Писанія (Матѣ. XVI, 24. Апок. II, 6; XIV, 15) постановленіемъ никейскаго собора и посланіями папъ: Иннокентія, Сиріція и Льва. При этомъ легаты считаютъ нужнымъ исправить невѣрныя представленія грековъ о практикѣ римской церкви по этому предмету и говорятъ, что у латинянъ никогда не бываетъ такъ, чтобы послѣ рукоположенія мужъ разлучался съ женой, такъ какъ даже въ санѣ субдіакона женатые не посвящаются; въ церкви римской дозволяется имѣть жену остіаріямъ, лекторамъ, экзорцистамъ и аколитамъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ въ монашествѣ или предпочитаютъ воздержаніе, — если же кто желаетъ быть возведенъ въ субдіаконъ, то предварительно разлучается съ женой съ ея согласія, послѣ чего ни онъ, ни она, подъ страхомъ анаэмы, не могутъ имѣть плотскаго общенія, кромѣ того жена не можетъ выйти замужъ за другаго.

Пріємъ, оказанный папскимъ легатамъ въ Константинополь правительствомъ свѣтскимъ и церковнымъ, былъ неодинаковъ. Правительство Мономаха было утѣшено письмомъ папы и въ надеждѣ на благополучный исходъ своихъ плановъ, основанныхъ на содѣйствіи папы, избраніе котораго ожидалось и дѣйствія котораго, какъ предполагалось и какъ безъ сомнѣнія завѣряли легаты, будутъ тождественны съ дѣйствіями папы Льва IX, показывало имъ знаки своей благосклонности. Но Керулларій сталъ въ иное къ нимъ отношеніе съ самаго того момента, какъ обнаружилась неприемлемая противоположность точекъ зрѣнія и принциповъ, на которыхъ стоялъ онъ и стояли легаты. Противоположность же сдѣлалась ясной съ первой аудіенціи. Патріархъ принялъ легатовъ окруженный митрополитами и епископами, въ ожиданіи, что легаты поведутъ себя скромно, займутъ мѣсто въ ряду епископовъ, патріарху отдадутъ должную честь. Но они вошли съ величественною гордостью, не какъ низшіе, даже не какъ равные съ патріархомъ, но какъ повелители, имѣющіе власть надъ патріархомъ. вмѣсто того, чтобы исполнить долгъ вѣжливости и поклониться патріарху, они надѣялись видѣть патріарха и весь соборъ у своихъ ногъ. Когда же надежда ихъ обманула и патріархъ, вмѣсто того чтобы торопливо очистить имъ предсѣдательское кресло, указавъ мѣсто въ ряду епископовъ, которое имъ слѣдовало по сану, они высокомерно вручили ему папское письмо, повернулись и, не сказавъ ни слова, вышли изъ собранія ¹⁾. Содержаніе папскаго письма должно было раскрыть Керулларію глаза на поведеніе папскихъ легатовъ. Онъ понялъ, что никакое соглашеніе невозможно, и рѣшился не имѣть съ ними никакого дѣла. Впослѣдствіи онъ объяснялъ свое рѣшеніе тѣмъ, что не считалъ умѣстнымъ вести переговоры съ уполномоченными римскаго престола о предметахъ первой важности безъ участія антиохійскаго и другихъ патріарховъ, какъ требовалъ издревле установившійся церковный обычай ²⁾, но

¹⁾ Migne, CXX, 785. 788. Will, 177.

²⁾ Migne, CXX, 816. Will, 186.

и безъ этого объясненія все понятно. Дальнѣйшее время проходило въ безплодномъ ожиданіи: легаты ждали, когда покорится патріархъ, патріархъ—когда смирятся легаты. Ни тѣ, ни другой ничего не дождались. Легаты имѣли одно только утѣшеніе—видѣть униженіе бѣднаго монаха студійскаго, достигнутое съ помощію свѣтской власти. 24 іюня они прибыли въ студійскій монастырь, куда явился также императоръ съ своими приближенными, и потребовали, чтобы Никита Стифать анаеоматствовалъ свою книгу: „объ опрѣснокяхъ, субботѣ и бракѣ священниковъ“. Поскольку императоръ поддержалъ требованіе, то Никита не посмѣлъ отказаться, а затѣмъ книга была торжественно сожжена и всѣ разошлись. На другой день эта трагикомедія доиграна: Никита отправился изъ студійскаго монастыря во дворецъ Пиги, мѣстожительство легатовъ, получилъ отъ нихъ объясненіе недоумѣній, о которыхъ писалъ въ книгѣ, опять анаеоматствовалъ все имъ написанное и принять былъ легатами въ церковное общеніе. Сжегши произведеніе защитника греческихъ обрядовъ, позаботились о томъ, чтобы сдѣлать доступнымъ для грековъ оправданіе обрядовъ латинскихъ и переводчикамъ Павлу и его сыну Смарагду приказано было перевести съ латинскаго на греческій языкъ діалогъ Гумберта и отвѣтъ Стифату Гумберта и Фридриха. Между тѣмъ время проходило, Керулларій не обнаруживалъ желанія уступить. Тогда легаты рѣшились нанести ему ударъ, какъ нераскаянному и упорному противнику папства. 16 іюля 1054 г., въ девять часовъ утра, когда духовенство и народъ собирались въ храмъ Софіи къ богослуженію и были уже въ сборѣ всѣ седмичные иподіаконы, явились въ храмъ легаты и на глазахъ всѣхъ положили на св. престолѣ слѣдующій актъ отлученія: „Гумбертъ Вожіею милостію кардиналь-епископъ святой римской церкви, Петръ архіепископъ Амальфи, Фридрихъ діаконъ и канцлеръ,—всѣмъ сынамъ церкви католической. Святой римскій первый и апостольскій престолъ, которому, какъ главѣ, принадлежитъ преимущественная забота о всѣхъ церквахъ, ради церковнаго мира и пользы, удостоилъ насъ назначить своими апокрисиаріями въ этотъ царствующій градъ,

дабы мы, по писанію, сошли и видѣли и его извѣстили, ствѣ-
 часть-ли самое дѣло, или нѣтъ, тому шуму, который непрерывно
 доносится до его ушей изъ этого города. И такъ да знаютъ прежде
 всего славные императоры, клиръ, сенать и народъ этого города,
 Константинополя, и вся церковь каѳолическая, что мы здѣсь узнали
 великое добро, сильно радующее насъ о Господѣ, и величайшее
 зло,—горестно печальщее. Ибо что касается столбовъ имперіи и
 почтенныхъ ея, мудрыхъ гражданъ, то государство это—христіан-
 нѣйшее и православное. Но что касается Михаила, неправильно
 именуемаго патріархомъ, и приспѣшниковъ его безумія, то въ его
 средѣ ежедневно разсѣваются плевелы крайнихъ ересей. Какъ си-
 моніане, они продаютъ даръ Божій; какъ валезіане, пришельцевъ
 своихъ дѣлаютъ евреями и не только допускаютъ въ клиръ, но
 возводятъ въ епископство, какъ аріане, перекрещиваютъ во имя
 св. Троицы крещенныхъ, особенно латинянъ; какъ доватисты,
 утверждаютъ, что за исключеніемъ греческой церкви, церковь Хри-
 стова, истинное священнодѣйствіе и крещеніе погибли во всемъ
 мірѣ; какъ николаиты, допускаютъ и требуютъ плотскаго брака
 для служителей священнаго алтара, какъ северіане, порицаютъ за-
 конъ моисеевъ, какъ духоборцы и богоборцы, исключили изъ сим-
 вола исхожденіе Св. Духа отъ Сына; какъ манихеи, говорятъ
 между прочимъ, что все квасное воодушевлено; какъ назорей, со-
 блюдаютъ плотскую чистоту іудеевъ, до такой степени, что не до-
 пускаютъ крещенія умирающихъ младенцевъ раньше восьми дней
 отъ рожденія, женщинъ въ періодъ очищенія и роженицъ воспре-
 щаютъ причащать и, если онѣ язычницы, крестить; сами возвра-
 щивая волосы на головѣ и бородѣ, не принимаютъ въ общеніе
 тѣхъ, которые постригаютъ волосы и, по установленію римской
 церкви, брѣютъ бороду. По поводу этихъ заблужденій и другихъ
 многихъ дѣяній Михаилъ пренебрегъ увѣщаніями въ письмѣ го-
 сподина нашего, папы Льва. Сверхъ того когда мы, его нувціи,
 хотѣли благоравумно прекратить причины столькихъ золъ, онъ от-
 казывался видѣться и говорить съ нами, отказалъ намъ въ церквахъ

для совершенія литургій, равно какъ и прежде заперъ церкви латинянь и, называя ихъ азимитами, всюду преслѣдовалъ словомъ и дѣломъ, дойдя до того, что анаеѣматствовалъ апостольскій престолъ, въ лицѣ его сыновъ, и, въ противность ему, доселѣ пишется вселенскимъ патріархомъ. Посему мы, не вынеся неслыханнаго пренебреженія и обиды для святаго перваго апостольскаго престола и всемѣрно стараясь поддержать католическую вѣру, властію святой и нераздѣльной Троицы и апостольскаго престола, легацію котораго исполняемъ, всѣхъ православныхъ отецъ седми соборовъ и всей церкви католической, подписываемъ анаеѣму, возвѣщенную господиномъ нашимъ, преподобнѣйшимъ папой Михаилу и его послѣдователямъ, если не исправятся, тако: Михаилу лжепатріарху, неопиту, страха ради челоуѣческаго воспріявшему одѣяніе монашеское и нынѣ опозоренному злѣйшими преступленіями, а съ нимъ Льву, именующемуся охридскимъ епископомъ, и сакелларію Михаила Константинову, который мірскими ногами попралъ жертву латинянь, и всѣмъ послѣдователямъ вышеназванныхъ ихъ заблужденій и дерзости, — анаеѣма маранаѣа съ симоніанами, валезіанами, аріанами, донатистами, николаитами, северіанами, духоборцами, манихеями, назорейми и со всѣми еретиками, купно со діаволомъ и аггелами его, если только не обратятся. Аминь, аминь, аминь“. Выйдя изъ храма, легаты отрясли прахъ отъ ногъ своихъ, произнося слова Евангелія: виждь Боже и суди (Матѣ. X, 14), затѣмъ сдѣлали распоряженія на счетъ латинскихъ церквей въ Константинополѣ, получили прощальную аудіенцію у императора, причемъ въ присутствіи императора и его сановниковъ изрекли еще словесно анаеѣму въ такой формѣ: „кто упорно будетъ противорѣчить вѣрѣ св. римскаго и апостольскаго престола и его жертвѣ, да будетъ анаеѣма маранаѣа и да не почитается католическимъ христіаниномъ, но еретикомъ - прозимитомъ, да будетъ, да будетъ, да будетъ“. Мономахъ съ своими приближенными выслушалъ легатовъ, одарилъ ихъ подарками, вручилъ подарки для доставленія престолу св. Петра, назначилъ монтекассинскому монастырю ежегодную субсидію изъ

царской казны въ двѣ литры золота и 18 іюля легаты оставили Константинополь ¹⁾.

Керуларій доселѣ молчалъ. Если бы дѣло имѣло характеръ только церковный, то поведеніе пословъ на первой аудіенціи, можетъ быть, повело бы къ враждебнымъ дѣйствіямъ съ его стороны. Но въ дѣлѣ замѣшаны были и интересы политическіе, содѣйствовать которымъ онъ взялся. Онъ не находилъ другаго средства примирить интересы политическіе съ церковными, какъ молчать и заставить легатовъ уѣхать ни съ чѣмъ, безъ излишняго раздраженія. Теперь же, когда легаты позволили себѣ таковой публичный соблазнъ, къ униженію греческой церкви, въ лицѣ ея патріарха, молчать было невозможно, необходимо было защитить честь и права церкви, забывши расчеты политическіе. Керуларій выходитъ изъ своего бездѣйствія: является на сцену извѣстная легенда объ Аргирѣ, выдвигается самое тяжелое оружіе въ борьбѣ съ римлянами, вопросъ о *filioque*, по отношенію къ которому остальными разности получаютъ мѣсто лишь аксессуаровъ, почему въ изложеніи историка, имѣющаго въ виду этотъ послѣдній моментъ, онъ совершенно ступшевываются, поводомъ къ столкновенію представляется разность въ ученіи о св. Троицѣ ²⁾. Съ помощію знатоковъ латинскаго языка, на которомъ написанъ былъ актъ (протоспаатарій Косьма, римлянинъ Пирръ, монахъ Іоаннъ испанскій), онъ переведенъ былъ на греческій языкъ, и едва прошелъ день по отъѣздѣ легатовъ, какъ Керуларій обратился къ императору съ просьбой, чтобы они были возвращены. Правительство Мономаха поняло эту просьбу такъ, что патріархъ готовъ уступить требованіямъ легатовъ. Отъ имени императора послано было письмо, которое застигло легатовъ въ Селимврии. Легаты, тоже введенные въ заблужденіе, полагая, что патріархъ желаетъ покориться, последовали

¹⁾ Migne, CXLIII, 1001—2. Will, 151—4. Leo ost. 686.

²⁾ Psell. IV, 348: *στασιάζει πρὸς τὴν νεωτέραν Ρώμην ἢ πρεσβυτέρα, οὐ περὶ μικρῶν οὐδὲ παρορᾶσθαι ἀξίων, ἀλλὰ περὶ τοῦ πρώτου λόγου τῆς εὐσεβείας, καὶ τῆς περὶ τὴν ἁγίαν τριάδα θεολογίας.*

приглашенію императора,—воротились назадъ и опять поселились во дворцѣ Пигѣ. Но не для того требовалъ Керулларій легатовъ, чтобы преклониться предъ ними и просить прощенія, онъ требовалъ ихъ къ отвѣту, имѣя цѣлью утишить соблазнъ ими произведенный и смыть оскорбленіе, нанесенное ими греческой церкви. Имъ послано было приглашеніе явиться въ тотъ же храмъ Софіи, гдѣ они позволили себѣ такой дерзкій поступокъ, отречься и анаеematствовать сдѣланное ими, равно какъ анаеematствовать поврежденіе сѣмвола вѣры и извращеніе ученія о Св. Духѣ. Очередь дошла теперь до легатовъ быть подсудимыми. И они, подобно тому какъ прежде Керулларій, сочли такую постановку дѣла ниже своего достоинства и отказались прибыть на соборъ въ храмъ Софіи. Тогда патріархъ обратился къ императору съ требованіемъ, чтобы они были арестованы. Правительство поставлено было въ положеніе крайне щекотливое: съ одной стороны, въ случаѣ исполненія требованія патріарха, грозила опасность политическаго разрыва съ западомъ, разрушенія плановъ и надеждъ, основанныхъ на союзѣ съ паной и германскимъ императоромъ, съ другою, въ случаѣ отказа требованію, можно было ожидать народнаго бунта, потому что содержаніе экскоммуникаціи сдѣлалось уже извѣстнымъ, православное населеніе столицы пришло въ негодованіе и Керулларій, пользовавшійся большою популярностію, чѣмъ Мономахъ, могъ направить страсти въ какую угодно сторону и поколебать самый императорскій тронъ. Правительство въ своемъ затрудненіи нашло такой исходъ, который нерѣдкость въ подобныхъ случаяхъ: отыскались козлы отпущенія, которыхъ судьба сдѣлала почему-нибудь прикосновенными къ дѣлу и которые за то должны были нести теперь всю отвѣтственность, а истинные виновники смуты благополучно ускользнули. Легатамъ предложено было правительствомъ уѣзжать, какъ можно скорѣе, и они не заставили повторять себѣ предложеніе. Между тѣмъ несчастные переводчики Павелъ и Сма-рагдъ были ослѣплены и пострижены, проживавшій въ Константинополѣ зять Аргири, имѣвшій чинъ вестарха, съ сыномъ сво-

имъ вестомъ, брошены въ тюрьму, и Мономахъ отправилъ съ довѣренными лицами (экономомъ монахомъ Стефаномъ, завѣдующимъ прошеніями магистромъ Іоанномъ и ипатомъ философовъ вестархомъ Константомъ Пселломъ) письмо къ Керуларію, въ которомъ извѣщаль, что всѣ виновники прискорбнаго волненія въ церкви по заслугамъ наказаны. Въ тотъ же день, когда все это произошло, 20 іюля 1054 г., состоялся синодъ въ патриаршемъ секретѣ въ присутствіи уполномоченныхъ императора, обстоятельства дѣла рассмотрѣны, актъ отлученія прочитанъ и произнесена анаеема какъ противъ самаго акта, такъ и его составителей. Синодальное опредѣленіе было затѣмъ разослано восточнымъ патриархамъ съ приглашеніемъ ихъ присоединиться къ рѣшенію. Папскіе легаты благополучно прибыли въ Италію, но здѣсь ожидало ихъ непріятное приключеніе, — Трасмундъ, графъ театинскій, провѣдавъ, что они несутъ изъ Константинополя цѣнные подарки, сдѣлалъ нападеніе, отнялъ у нихъ все и отпустилъ съ пустыми руками ¹⁾).

Такъ совершился прискорбный фактъ церковнаго раздѣленія, подготовленный столѣтіями. Керуларій менѣе другихъ повиненъ въ этомъ фактѣ и если уже необходимо привлекать дѣятелей къ историческому сѣду, то обвинительный приговоръ долженъ лечь на заправителей политики (папской и византійской), на Гильдебранда, Гумберта, Фридриха, Петра амальфійскаго съ одной стороны, Іоанна логовета и его клеветовъ съ другой.

Впрочемъ и послѣ формальнаго раздѣленія церковей не изсякло чувство и сознаніе церковнаго единства въ лучшихъ представителяхъ какъ восточной, такъ и западной церкви. Выразителями этого примирительнаго направленія были на западѣ Доминикъ градскій, на востокѣ патриархъ антиохійскій Петръ, письмо котораго къ патриарху Керуларію, отправленное въ концѣ 1054 или началѣ 1055 (послѣ формальнаго раздѣленія церковей, но раньше

¹⁾ Migne, CXLIII, 1002, CXX, 737—748, 816—820. Will, 152, 155—168, 84—188. Leo ost. 686.

вступленія на папскій престолъ преемника Льва IX), всегда будетъ привлекать вниманіе, какъ замѣчательнѣйшій памятникъ въ этомъ отношеніи. Это письмо было отвѣтомъ на одно изъ писемъ Керулларія, посланныхъ въ Антиохію послѣ исторіи съ папскими легатами. Керулларій сообщалъ патриарху антиохійскому, что, какъ онъ узналъ, латиняне кромѣ опрѣсноковъ придерживаются еще многихъ другихъ заблужденій, а именно: ѣдятъ удавленину, брѣютъ бороду, соблюдаютъ субботы, ѣдятъ нечистое, монахи ѣдятъ мясо и свиной жиръ, въ первую недѣлю великаго поста и въ недѣлю мясопустную ѣдятъ то же, что и въ сыропустную, въ среду ѣдятъ мясо, въ пятницу сыръ и яйца, а въ субботу постятся весь день, въ св. символѣ дѣлаютъ прибавку „и отъ Сына“, на божественной литургіи возглашаютъ: „единъ святы, единъ Господь Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца чрезъ Св. Духа“, воспрещаютъ бракъ священниковъ, т. е. имѣющимъ женъ не даютъ священнаго сана, но требуютъ отъ кандидатовъ священства, чтобы были неженатыми, позволяютъ двумъ братьямъ жениться на двухъ сестрахъ, на литургіи во время причащенія одинъ изъ литургисающихъ, снѣдая опрѣсноки, даетъ лобзаніе остальнымъ, епископы носятъ на рукахъ кольца въ знакъ обрученія, какъ говорятъ съ ихъ женами, церквами, ходятъ на войну, оскверняя руки свои кровію убиваемыхъ, совершая крещеніе, одинъ только разъ погружаютъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, послѣ чего наполняютъ уста крещаемыхъ солью, неправильно читаютъ изреченіе апостола, вмѣсто: „малая закваска кваситъ все тѣсто“ (1 Кор. V, 6; Гал. V, 9), говорятъ: „малая закваска портитъ все тѣсто“; не почитаютъ св. мощей, а нѣкоторые и св. иконъ, великихъ отцевъ церкви—Григорія Богослова, Василя В. и Іоанна Златоуста—не признаютъ святыми и ученія ихъ не принимаютъ ¹⁾). Петръ антиохійскій отвѣчалъ Керулларію, что изъ перечисленныхъ имъ заблужденій одни дѣйствительно важны и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть допущены, другія принадлежать къ разряду частныхъ мнѣній и легко могутъ быть исправлены,

¹⁾ Migne, CXX, 789—793. Wilh, 181—183.

третьи и вниманія не заслуживаютъ, до такой степени они безразличны, четвертыя наконецъ несправедливо приписаны латинянамъ. Дѣйствительно важное заблужденіе—это прибавка къ символу вѣры слова „и отъ Сына“, сдѣланная вопреки яснымъ словамъ евангелиста Іоанна XIV, 15—17, XV, 26, XVI, 12—15, вѣроятно вслѣдствіе потери никео-цареградскаго символа во время владычества надъ Римомъ вандаловъ. Не лишено также значенія, по мнѣнію Петра ант., крещеніе во едино погруженіе, какъ принадлежность аріанства, и измѣненіе въ словахъ: единъ свѣтъ; однакожь первое онъ считаетъ еще требующимъ разъясненія, дѣйствительно-ли придерживаются его латиняне, относительно же втораго говорить, что слова „черезъ Св. Духа“ можно объяснить и въ православномъ смыслѣ. Несправедливымъ считаетъ обвиненіе латинявъ въ непочитаніи св. мощей и св. иконъ. Остальныя заблужденія находятъ ничтожными, или же хотя и требующими исправленія, однакожь не непримѣннаго. Въ соотвѣтствіе съ этими маловажными уклоненіями латинявъ, Петръ ант. указываетъ на нѣкоторые обычаи и особенности грековъ, какъ-то: дѣланіе на головѣ гарары, пошеніе наручниковъ и наплечниковъ, яденіе вионьянами, еракійцами и индійцами сорокъ, галокъ, горлицъ и земляныхъ ежей, яденіе свиной крови (въ колбасахъ, продаваемыхъ на константинопольскомъ рынкѣ), употребленіе поясовъ діаконами студійскаго монастыря и пр. Патріархъ высказываетъ такой взглядъ, что если латиняне исправятъ поврежденіе въ символѣ, то отъ нихъ можно ничего больше не требовать, изъ вниманія къ тому, что каждый народъ дорожитъ своими обычаями и что въ этомъ случаѣ нужно быть снисходительными ко всѣмъ, а тѣмъ болѣе къ людямъ, стоящимъ сравнительно съ нами на болѣе низкомъ уровнѣ развитія, не могущимъ многого понять. Важно уже и то, что латиняне исповѣдуютъ троичнаго Бога и вѣруютъ въ домостроительство воплощенія; затѣмъ, гдѣ нѣтъ опасности для вѣры, нужно поддерживать миръ и братское согласіе. Петръ совѣтуетъ патріарху константинопольскому, по избраніи новаго папы, обратиться къ нему

съ почтительнымъ письмомъ и кротко убѣждать его сдѣлать нужныя исправленія, такъ какъ кротостію, всего легче привести къ раскаянію. „Убѣждаю, умоляю, прошу, писалъ Петръ, и мысленно припадаю къ твоимъ святительскимъ стопажъ, чтобы твое боговидное блаженство тщательно примѣнялось къ обстоятельствамъ. Нужно остерегаться, чтобы желая соединить разорванное не произвести еще большаго разрыва и желая возставить павшаго не причинить еще большаго паденія. Посмотри, развѣ не ясно, что отъ продолжительнаго разъединенія и разногласія между нашими святыми церквами и этимъ великимъ и первымъ апостольскимъ престоломъ размножилось всяческое зло въ жизни, весь міръ въ беспорядкѣ, потрясены всѣ царства земли, всюду плачь и стenanіе многое, по странѣ и въ столицѣ постоянный голодъ и язва и рѣшительно нигдѣ никакой пѣтъ удачи нашимъ войскамъ“¹⁾).

Сношенія Византіи съ Римомъ начались вскорѣ послѣ раздѣленія и не разъ возобновлялись; неизвѣстно только, происходили-ль они по желанію константинопольскаго патріарха и въ какой мѣрѣ стороны расположены были вести ихъ въ духѣ кротости, рекомендованной патріархомъ антиохійскимъ. Несомнѣнно лишь, что они ни къ чему не привели, такъ какъ ни папы не отказались отъ своихъ идеаловъ, ни константинопольскіе патріархи не поступились своими правами²⁾; кромѣ того ясно, что они велись не исключительно на церковной почвѣ, но вмѣстѣ и политической, не отличаясь въ этомъ отношеніи по характеру отъ сношеній, приведшихъ къ церковному раздѣленію. Сохранилось извѣстіе, что еще папа Викторъ II, преемникъ Льва IX, далъ порученіе церковнаго свойства послу Генриха III, Оттону наварскому, ѣздившему въ Константинополь въ 1055 г. Въ чемъ оно заключалось, не знаемъ, но уже совмѣщеніе въ одномъ лицѣ свидѣтельствуетъ о связи его съ порученіемъ политическимъ; не лишено при этомъ значенія, что

¹⁾ Migne, CXX, 800—812. Will, 193—203.

²⁾ Напр. о титулѣ вселенскій въ примѣненіи къ нимъ. Psell., IV, 207 Attal., 93.

въ томъ же 1055 г. ѣздилъ въ Константинополь и Аргиръ вмѣстѣ съ барійскимъ архіепископомъ Николаемъ ¹⁾. Послѣ того папа Стефанъ IX снарядилъ въ 1058 г. посольство въ Константинополь изъ новоизбраннаго монтекассинскаго аббата Дезидерія, кардинала Стефана и Майнарда, бывшаго потомъ епископомъ Сяльвы Кандиды. Посламъ вручено было письмо къ императору, изъ содержанія котораго мы знаемъ лишь, что въ немъ упомянуто было объ избраніи Дезидерія въ аббаты. Послы отправились въ монастырь св. Іоанна in Venetis, чтобы отсюда пуститься въ море. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней въ напрасномъ ожиданіи попутнаго вѣтра, они отправились въ Сипонтъ, изъ Сипонта на корабль въ Баръ. Въ Барѣ опять произошла задержка по случаю неблагоприятной погоды, хотя все было готово къ отъѣзду и Аргиръ собирался отплыть вмѣстѣ съ ними. Тутъ произошла смерть папы и посольство разстроилось ²⁾. О цѣли этого посольства тоже свѣдѣній не имѣемъ. Но догадаться можно, если принять во вниманіе, что папа Стефанъ IX—не иной кто, какъ бывший канцлеръ Фридрихъ, легатъ папы Льва IX въ Константинополѣ, что онъ предъ смертію озабоченъ былъ изгнаніемъ норманновъ изъ Италіи и для этой цѣли вытребовалъ деньги изъ кассинскаго монастыря (аббатомъ котораго состоялъ), что наконецъ Аргиръ долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ послами и, когда посольство разстроилось, самъ отправился въ Константинополь ³⁾. Доселѣ въ сношеніяхъ Константинополя съ Римомъ не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ о норманнахъ Италіи. Но съ тѣхъ поръ какъ папа Николай II сблизился съ ними, центръ тяжести перенесенъ былъ на турокъ. Бароній подъ 1071 г. ⁴⁾ приводитъ извѣстіе объ отправленіи папой Александромъ II къ императору Михаилу Паррапинаку Петра, епископа Ананьи, въ ка-

¹⁾ Anon. Bar. 330.

²⁾ Leo ost. 418—419 (Muratori).

³⁾ Anon. Bar. 331.

⁴⁾ Ann. Eccles.

честь папскаго апокрисиарія, прибавляя, что Петръ прожилъ въ Константинополѣ цѣлый годъ и успѣлъ снискать благосклонность императора. О цѣли посольства и здѣсь неизвѣстно, но вѣроятно она была тождественна съ цѣлью, имѣвшеюся въ виду при сношеніяхъ того же Михаила Паралинака съ папой Григоріемъ VII. Въ 1073 г. отъ Михаила Паралинака прислано было съ монахами Ѧомой и Николаемъ письмо къ Григорію и, сверхъ того, монахамъ даны изустныя порученія къ папѣ. Личность монаховъ не внушила папѣ довѣрія и онъ въ іюлѣ того же года отправилъ въ Константинополь легатомъ Доминика, патріарха венеціанскаго. Цѣлью посольства было, какъ говоритъ папа въ письмѣ къ императору, восстановление древняго согласія между римскою церковью и ея дочерью, церковью константинопольскою, но о подробностяхъ въ письмѣ умалчивается, легату поручено было передать ихъ императору секретно. Соглашеніе между папскимъ легатомъ и императоромъ вѣроятно состоялось, и папа въ письмахъ къ разнымъ лицамъ, которыми приглашалъ ополчиться на защиту христіанства противъ невѣрныхъ, говорилъ о намѣреніи своемъ лично идти съ войскомъ на востокъ для рѣшенія религіозныхъ вопросовъ съ греками и армянами. Борьба съ Генрихомъ помѣшала папѣ осуществить планъ и, сблизивъ съ Робертомъ Гискардомъ, сдѣлала врагомъ Византіи. Въ угоду Гискарду, папа произнесъ отлученіе Никифору Вотаніату (1078), принялъ сторону лже-Михаила VII и содѣйствовалъ походу Гискарда въ Грецію ¹⁾.

Помимо официальныхъ сношеній между Римомъ и Константинополемъ, не выразившихся никакими осязательными результатами, поддерживалось также до извѣстной степени религіозное общеніе между народными массами востока и запада послѣ церковнаго раздѣленія. Правда, роль, принадлежавшая нѣкогда Италіи, пала вмѣстѣ съ паденіемъ въ ней византійской власти. Утвержденіе норманновъ въ Апуліи, Калабріи и Сициліи отдало эти страны въ церковную

¹⁾ Jaffé, II, 31—2, 65, 69, 144—6, 150—1, 163—4, 332, 423, 435.

зависимость папы, то, чего папы мечтали нѣкогда достигнуть съ греческою помощію, они достигли съ помощью норманновъ; приливъ въ эти страны грековъ прекратился, церковная власть надъ жителями Апуліи, Калабріи и Сициліи, державшимися греческаго обряда, перешла въ руки подвластныхъ папѣ латинскихъ епископовъ ¹⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлена почва паденію самаго обряда, хотя это паденіе совершалось медленно, незамѣтно и въ XIV в. не вполне еще закончилось ²⁾. Однакожъ древнія традиціи, установившіяся въ Италіи путемъ многовѣковой власти надъ нею Византіи, продолжали дѣйствовать такъ или иначе, производя тяготѣніе если не востока къ западу, то запада къ востоку. Монтекассинскій монастырь, равно почитаемый какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, пользовавшійся у преемниковъ Мономаха не меньшею, даже большею благосклонностію, какъ показываетъ тотъ фактъ, что Михайлъ Параниакъ возвысилъ ежегодную субсидію монастырю изъ царской казны съ двухъ литръ на двадцать четыре, съ присоединеніемъ еще четырехъ палліумовъ ³⁾, подавалъ прижръ уваженія къ церковной наукѣ и искусству востока. Аббатъ монтекассинскій Дезидерій, предпринявъ работы по отдѣлкѣ и украшенію храма, обратился въ Константинополь, тамъ сдѣланы были ему изящныя церковныя врата, по образцу видѣнныхъ имъ въ Амальфи, тоже очевидно византійскаго происхожденія, въ Константинополѣ выполнены были образа для храма, изъ Константинополя пріѣзжали мастера мозаическихъ работъ и украсили храмъ своими издѣліями. Императоръ Романъ Діогенъ охотно удовлетворялъ просьбы Дезидерія. Къ прибывшимъ изъ Константинополя мастерамъ аббатъ отдавалъ молодыхъ монаховъ въ наученіе; произведенія церковной живописи, вывозимыя изъ Константинополя,

¹⁾ Такъ папа Александръ въ 1063 г. далъ Византію, архіепископу транійскому, привилегію на церкви и монастыри, какъ латинскіе, такъ и греческіе, освобождающую отъ вмѣшательства свѣтской власти. Prologo, 55—57.

²⁾ Dandolo, 245.

³⁾ Petri, 731.

служили образцами, по которымъ стали выполнять этого рода работы въ монастырѣ мѣстные художники ¹⁾. Св. земля по прежнему была средствомъ сближенія востока съ западомъ. Религіозное воодушевленіе, выразившееся въ пилигримствахъ, все сильнѣе проникало въ народныя массы, увлекало къ Гробу Господню сотни и тысячи людей. Массы народа съ запада проходили чрезъ Константинополь (напр. при Константинѣ Дукѣ въ 1064 или 1065 г. до семи тысячъ человекъ подъ предводительствомъ одного архіепископа и четырехъ епископовъ). Нѣтъ спору, соприкосновеніе народныхъ массъ, содѣйствуя ближайшему взаимному ознакомленію ихъ, могло приводить къ яснѣйшему сознанію отличавшихъ эти массы религіозныхъ разностей, бытовыхъ и другихъ особенностей, а чрезъ то все болѣе разъединять уже раздѣленныхъ формальнымъ церковнымъ актомъ 1054 г. Но могло при этомъ имѣть мѣсто и обратное явленіе, — разности, по крайней мѣрѣ несущественныя, могли сглаживаться, по отношенію къ болѣе существеннымъ могла устанавливаться терпимость. Архіепископъ салернскій, сопровождавшій князя Гизульфа въ Константинополь, изъ Константинополя ѣздившій въ Иерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню и потомъ чрезъ Константинополь же оиять возвратившійся на родину, въ Италію, возбудилъ въ Робертѣ Гискардѣ крайнее удивленіе своей длинной бородой, которую отростилъ на востокъ, по примѣру греческихъ епископовъ²⁾, и считалъ излишнимъ брить по возвращеніи съ востока, точно онъ былъ не салернецъ, а византиецъ (*comme s' il fust de Costentinoble*) ²⁾. Безразличное отношеніе, обнаруженное архіепископомъ салернскимъ по вопросу о бородѣ, вслѣдствіе знакомства съ восточными обычаями, легко могло распространяться и на другіе пункты разностей, исчисленные Керуларіемъ и другими полемистами, значившіе въ дѣлѣ церковнаго раздѣленія столько же, или почти столько же, сколько вопросъ о бритьѣ или небритьѣ бороды. Н. Скаблановичъ.

¹⁾ Amat. 104—105. Leo, 718. 722—723. 341 (Murat.).

²⁾ Amat. 130—131.

«Христ. Чтви.», № 1—2, 1885 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки